

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ, ЧТО
НЕ УГАСНЕТ НИКОГДА

СКОТТ РЭЙНС

18+

СКОТТ РЭЙНС

**СКВОЗЬ ЖИЗНЬ, ЧТО
НЕ УГАСНЕТ НИКОГДА**

«Автор»

2026

Рэйнс С.

Сквозь жизнь, что не угаснет никогда / С. Рэйнс — «Автор»,
2026

Что, если бы каждый человек знал точную дату своей смерти? В мире, где на запястье каждого жителя тикают некие часы, показывающие обратный отсчёт до последнего дня, жизнь изменилась навсегда. Одни пытаются выжать из отмеренного времени максимум, другие впадают в отчаяние или безумие. Общества рушатся, отношения пересматриваются, а человеческая природа обнажается до самых тёмных глубин. В центре истории находятся четверо друзей, которые пытаются найти смысл в новой реальности. Но главная загадка связана с Ноем — единственным человеком, чье устройство показывает не цифры, а символ бесконечности. Что значит жить, когда смерть перестала быть тайной? И что ещё страшнее: что значит жить, когда смерть для тебя не существует вовсе?

© Рэйнс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Глава	8
Глава	24
Глава	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сквозь жизнь, что не угаснет никогда

Глава

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ, ЧТО НЕ УГАСНЕТ НИКОГДА

Скотт Рэйнс
Оттава · 2026

© Скотт Рэйнс, 2026

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

Что, если бы каждый человек знал точную дату своей смерти?

В мире, где на запястье каждого жителя тикают некие часы, показывающие обратный отсчёт до последнего дня, жизнь изменилась навсегда. Одни пытаются выжать из отмеренного времени максимум, другие впадают в отчаяние или безумие. Общества рушатся, отношения пересматриваются, а человеческая природа обнажается до самых тёмных глубин.

В центре истории находятся четверо друзей, которые пытаются найти смысл в новой реальности. Но главная загадка связана с Ноем — единственным человеком, чье устройство показывает не цифры, а символ бесконечности.

Что значит жить, когда смерть перестала быть тайной? И что ещё страшнее: что значит жить, когда смерть для тебя не существует вовсе?

Верстка и дизайн обложки: Скотт Рэйнс.

Корректор: Скотт Рэйнс.

«Мы не боимся смерти. Мы боимся увидеть, сколько жизни мы отложили на потом».
— Скотт Рэйнс

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Моим друзьям, которые слушали самые сырые главы.

Кто верил в эту историю, даже когда я в ней сомневался.

И тем, чьи имена останутся не названы, но чьи жизни вплелись в эти страницы.

Предисловие

Когда я впервые задумался над тем, чтобы написать эту книгу, замысел был простым, и, как часто бывает с простыми идеями, он оказался самым сложным для воплощения. На самом деле, всё началось не с сюжета, не с персонажей и не с мира, в котором каждый знает дату своей смерти. Всё началось с моего собственного и очень обычного страха: со страха смерти.

И вот однажды мне стало интересно: а что, если убрать главный источник этого страха? Не саму смерть — её отменить нельзя, — а её главное оружие: неизвестность. Что, если мы будем знать, когда наша жизнь подойдёт к концу? Как это изменит нас? Не человечество в целом, не цивилизацию, не экономику — это всё, конечно, тоже поменяется, но об этом пишут другие. Мне же всегда было интересно другое. Мне было интересно, что происходит внутри одного конкретного человека. Как он просыпается утром, зная, что сегодня он на один день ближе к своему концу, как он смотрит в глаза любимому человеку, зная, кто из них уйдёт первым, как он строит планы, воспитывает детей, ругается из-за мелочей, радуется простым вещам.

Поэтому, когда я начал писать «Сквозь жизнь, что не угаснет никогда», я сознательно ушёл от апокалиптики в привычном её понимании. Да, мир после появления устройств изменился радикально. Общества рухнули, привычный уклад рассыпался, на улицах был хаос — и всё это я попытался показать. Но мне не хотелось делать ещё одну историю о конце света, о выживании в руинах, о войнах за ресурсы. Таких историй много, и они, безусловно, важны.

Мне же хотелось заглянуть глубже. Мне хотелось понять, что происходит в душе у того, кто увидел на своём запястье пятьдесят лет жизни, и у того, кто увидел пять месяцев. Как меняется дружба, когда ты знаешь, что твой друг умрёт через год, а ты проживёшь ещё три десятилетия. Как рождается любовь, когда у влюблённых на руках разные цифры. Как живёт мать, которая знает, что не доживёт до совершеннолетия своего ребёнка. Как живёт человек, который... который не умрёт никогда.

Да, именно этот вопрос стал для меня центральным. Все персонажи для меня разные грани одного огромного «Что если?».

Возможно, эта книга — моя попытка договориться с собственным страхом. Приручить его, разглядывая в микроскоп выдуманных, но от этого не менее реальных для меня судеб. А может быть, это просто долгая история, которая просилась быть рассказанной.

Так что если вы откроете эту книгу, я прошу вас о главном: не ищите в ней глобальных предсказаний о будущем человечества. Не ждите эпичных баталий за власть над новым миром. Присмотритесь лучше к лицам героев. Прислушайтесь к тому, о чём они спорят на заброшенной крыше, о чём молчат за ужином, что шепчут, обняв друг друга. Вся суть находится именно там.

А теперь представьте на секунду: что если ваша жизнь действительно не имеет конца? Не торопитесь с ответом. Просто проживите несколько глав вместе с моими героями. Возможно, их путь поможет вам что-то понять о своём собственном.

Это мой первый крупный литературный проект, и я подхожу к нему с огромным трепетом. Я не претендую на то, чтобы дать окончательные ответы.

Я благодарен вам за то, что вы взяли в руки эту книгу и решились пройти часть пути вместе с моими героями. Я искренне надеюсь, что их история, их страх, их мужество и их сомнения найдут отклик и в вашем сердце. В конце концов, мы все в одной лодке, плывущие к одному берегу. Разница лишь в том, что в мире этой книги кто-то уже знает, когда именно он приплывет.

С глубоким уважением и надеждой, Скотт Рэйнс.

Оглавление

Предисловие

Глава I: Последний день неведения

Глава II: Тот, кто останется

Глава III: Хрупкий штиль

Глава IV: Трещина

Глава V: Явление Гнева

Глава VI: Просьба Логана

Глава VII: Наследие и Забвение

Глава VIII: Встречи с Грехами

Глава IX: Попытка умереть

Глава X: Элоиза

Глава XI: Пробуждение Левиафана

Глава XII: Сердце Машины

Глава XIII: Диалог с пустотой

Эпилог: Бесконечность и миг

Послесловие

Благодарность

Плейлист Ноя

Глава

Глава I : Последний день неведения

Это, наверное, единственное, что действительно можно назвать всеобщим достоянием. **Смерть.**

Как бы ни изворачивалась жизнь, сколько бы ни пульсировала в венах, ни пряталась в младенческом плаче или старческом дыхании — всё идёт к одному. И в этом смысле смерть — поразительный уравниватель. Она действительно не различает оттенков кожи, не интересуется страной рождения в паспорте, не заглядывает в банковские выписки. Ей нет дела до того, был ли человек святым или убийцей, королём, правящим половиной мира, или бродягой, ночующим под мостом. Конец для всех наступает одинаково.

Наверное, именно поэтому человечество веками так отчаянно искало выход. Мы строили сложнейшие религиозные конструкции, чтобы поверить в существование «после». Мы слагали стихи и песни, пытаясь облачить страх в красивые слова и тем самым приручить его. Мы бросались в войны и авантюры, чтобы в горячке забыться и не слышать тиканья часов. Мы любили так сильно, словно пытались оставить в другом человеке достаточно себя, чтобы раствориться в нём и не исчезнуть бесследно. И всё это, по сути, было ради одного: не сойти с ума от осознания финала своей жизни.

Но если задуматься, люди боятся не столько самой смерти, сколько мучительного незнания, томительного ожидания в приёмной, где неизвестно, когда именно тебя позовут.

Но...

Что, если бы люди однажды узнали точную дату своей смерти?

Было без пяти шесть вечера, и город, казалось, задержался в этом времени специально, чтобы ещё немного побыть обычным. Небо на западе, над крышами панельных домов, медленно переливалось из блекло-голубого в персиковый, а длинные, расплывчатые облака по краям светились изнутри, как будто отключаясь одно за другим.

На центральных проспектах жизнь текла привычным, немного усталым потоком. Машины, блестящие на солнце пятнами стекла и металла, двигались с частыми остановками, и их свет — красный от стоп-сигналов, белый от встречных фар — уже начинал проступать в сумеречном воздухе. В пробке кто-то коротко сигналил, не из злости, а скорее от рассеянности. Из открытых окон доносились обрывки музыки — бит поп-хита, голос диктора из новостей, смех. Автобус, с шумом выпуская воздух из тормозов, подбирал людей у остановки; они заходили, поглядывая на телефоны, обменивались парой слов с водителем.

На тротуарах было немного оживлённее. Люди шли домой, с работ, с учёбы. Молодой человек в наушниках, ритмично покачивая головой, почти танцуя, обходил пожилую женщину с тележкой на колёсиках. Она неспешно двигалась к подъезду, и в тележке, среди сеток с картошкой, лежала длинная, ещё не распустившаяся булка хлеба. Двое подростков, смеясь, толкая друг друга плечом, делились наушниками, чтобы посмотреть очередное короткое видео на экране смартфона. Их рюкзаки, перевесившиеся через одно плечо, били их по бокам при каждом шаге.

Заброшенное здание, которое местные давно прозвали «Книгой», стояло на окраине старого промышленного района. Когда-то, лет тридцать назад, здесь располагался проектный институт — массивная, прямоугольная коробка из серого бетона и стекла, чьи фасады, должно быть, выглядели современно и внушительно. Теперь же стекла в большинстве окон были побиты, и зияющие чёрные проёмы смотрели на мир, подобно пустым глазницам. Само здание признали аварийным лет десять назад, после того как основной заказчик — оборонное пред-

приятие — свернул деятельность и переехал. С тех пор оно медленно разрушалось: сначала отслоилась и осыпалась часть облицовки, потом начали ржаветь и отваливаться козырьки над входами, а внутри поселилась стойкая сырость, смешанная с запахом пыли, птичьего помёта и старого железа. Городские власти всё никак не могли решить, что с ним делать — сносить дорого, реконструировать нецелесообразно, — и «Книга» так и осталась мрачным, но привычным пятном на карте района.

Для местной молодёжи, впрочем, это место давно стало своеобразной точкой притяжения. Сюда приходили, чтобы уйти от глаз взрослых, выпить, пообщаться или просто побыть одному. Забраться сюда было не так уж сложно: в задней части, где забор обвалился, всегда была дыра, а дальше — через разбитую дверь в подвал, по тёмным, заваленным обломками лестницам, на которые уже легли чёткие тропинки, вытопанные множеством ног. Крыша же была главной наградой. Плоская, покрытая трескающимся рубероидом и поросшая кое-где жухлой травой и лопухами, пробившимися из скопившейся в углах грязи, она открывала почти панорамный вид на большую часть города.

Отсюда, с высоты примерно в восемь этажей, город действительно походил на живой организм. Видны были и серые массивы «спальников» с ровными линиями балконов, и редкие островки исторической застройки с тёмно-красными крышами, и стеклянные коробки делового центра на горизонте, отсвечивавшие последним алым от заката. Внизу, как игрушечные, ползли по улицам машины.

Сама крыша была обжита. В углу валялась связка пустых бутылок из-под дешёвого пива, аккуратно, будто кто-то их собирал. Рядом стояло самодельное кресло из паллет, накрытое потрёпанным одеялом. На парапете, сложенном из грубых бетонных блоков, были нацарапаны имена, признания в любви, бессмысленные надписи баллончиками. Ветер, здесь чувствовавшийся куда сильнее, чем внизу, гонял по поверхности окурки, обрывки бумаги и пластиковые пакеты, зацепившиеся за неровности.

Итан стоял у самого края, но не вплотную к парапету, а в метре от него, засунув руки глубоко в карманы чёрных джинсов. Он смотрел на расстилающийся внизу город, но взгляд его был расфокусированным, будто он видел не конкретные дома и улицы, а всё сразу. Он был одет просто: серая футболка, тёмная ветровка нараспашку. Короткие, чуть выющиеся волосы тёмно-русого цвета шевелились на ветру. Плечи его были слегка напряжены, и время от времени он менял позу, переносил вес с одной ноги на другую, что выдавало внутреннее беспокойство, не дающее просто стоять на месте.

Лили лежала на том самом одеяле, брошенном на паллеты, прислонившись спиной к невысокой бетонной вентиляционной тумбе. Она была поглощена экраном своего смартфона. Свет от него освещал её лицо снизу, делая черты — прямой нос, полные губы, собранные в небрежный пучок у затылка каштановые волосы — одновременно чёткими и призрачными. Она медленно прокручивала ленту социальной сети; взгляд скользил по картинкам и текстам, ничего не задерживая. Время от времени она отводила глаза от экрана и смотрела куда-то в сторону Итана, но тут же возвращалась к яркому прямоугольнику в руках, будто ища в нём хоть какую-то опору или просто отвлечение. На ней была оверсайз-кофта пастельно-розового цвета и потертые светлые джинсы.

Логан стоял поодаль, прислонившись широкой спиной к шершавой стене той же вентиляционной тумбы. Он курил, держа сигарету в больших, грубоватых пальцах, и затягивался не спеша, глубоко. Его плотная, спортивная фигура в простой чёрной футболке и камуфляжных штанах казалась неотъемлемой частью этого места. Волосы тёмно-каштанового цвета, довольно длинные, были собраны в аккуратный пучок на макушке. Небольшая, но густая борода обрамляла квадратную челюсть. Он не смотрел на город, а изучал то оранжевый кончик тлеющей сигареты, то своих друзей. Его лицо, с широкими скулами и спокойными глазами, выражало усталую, почти философскую отрешённость. Каждый раз, выпуская дым, он

направлял струю в сторону от остальных, и ветер тут же рвал её в клочья, унося прочь, за край крыши. В его позе, однако, несмотря на кажущееся расслабление, чувствовалась собранность, готовность к движению, как у крупного животного, которое только притворяется спящим.

Несколько в стороне от них, у самого края крыши, где бетонный парапет прерывался низким, по пояс, ограждением из ржавых металлических прутьев, сидел Ной. Он свесил ноги в пустоту, и они безвольно качались в воздухе на приличной высоте над тротуаром. Он сидел, чуть сторбившись, опершись ладонями о грубую поверхность парапета позади себя, и смотрел не вниз, а куда-то в даль, на линию горизонта, где последние полосы света таяли в сизой дымке. Его волосы, каштанового оттенка, немного светлее, чем у Лили, были удлинёнными, но не слишком; они были убраны назад и на висках, открывая лоб и уши, однако отдельные волнистые пряди всё же выбивались и колыхались на ветру. Стрижка действительно напоминала ту, что часто можно видеть у серферов, будто её форма создана не стрижкой, а постоянным действием солёной воды и ветра. На нём была рубашка в клетку сине-серых тонов, расстёгнутая настежь, из-под которой виднелась простая белая хлопковая майка. На его шее на тонком кожаном шнурке висел небольшой, потускневший от времени серебряный крестик. Штаны были чёрными, свободного кроя, а на ногах — поношенные бежевые кроссовки с тёмными шнурками. Лёгкая, едва заметная щетина покрывала его подбородок и верхнюю губу, придавая лицу, которое и без того казалось спокойным до отрешенности, лёгкую усталую небрежность.

На левом запястье у него, как и у всех троих его друзей, как, собственно, и у каждого человека на земле, было надето устройство. Оно выглядело как узкий, удлинённый браслет из матового чёрного композитного материала, плотно, но не туго облегающий руку. Снизу располагался небольшой, всегда активный экран. Сейчас на экранах у всех четверых, как и у всего человечества последние полгода, шёл обратный отсчёт. Цифры светились белым светом. Они показывали не время суток, а время до «Дня Раскрытия». Сейчас на экране Ноя, так же как и у остальных, отсчитывались последние часы, минуты и секунды: **00:23:17:48**. Меньше суток. Завтра, ровно в шесть вечера, отсчёт достигнет нуля. И тогда, как было объявлено полгода назад в единственном и навсегда замолкшем после этого обращении, эти экраны покажут каждому **точную дату и время его смерти**.

Лили, наконец, отложила телефон экраном вниз на одеяло и обняла колени, прижав подбородок к ним. Она посмотрела сначала на своё запястье, затем на запястье Итана, которое он на мгновение вынул из кармана, будто проверяя, всё ли ещё там.

— Слушайте, я просто хочу, чтобы у меня был нормальный срок жизни, — сказала она. — Ну, большой. Чтобы было время хоть чё-то успеть в этой жизни. Универ закончить, съездить куда-нибудь, работу нормальную найти. Семью, может, завести...

Итан повернулся к ней и нахмурился.

— А если нет? — перебил он. — Если там выскочит пять лет? Или вообще пара месяцев? Чё ты тогда успеешь? Будешь каждый день на эту руку пялиться? Ты же сама себя накрутишь до дурки.

— Ну я не знаю! — Лили сердито поджала губы и уставилась перед собой.

— Но ведь лучше знать заранее, разве нет? Чтобы фигнёй не страдать и время попусту не тратить. Будем ценить каждый день, всё такое.

— Да ладно тебе, ценитель, — фыркнул Логан. Он стоял у вентиляционной тумбы, лениво выпуская дым в сторону. — Ерунда это всё. Мы и так знали, что когда-нибудь сдохнем. Просто не знали точную дату. Суть вообще не меняется, родился — значит, умрёшь когда-нибудь. Эти штуки на руках просто сделают срок жизни видимым, чё изменилось-то по факту? Да ничего.

— Да ни хрена себе ничего! — Итан резко развернулся к Логану, ещё глубже запихивая руки в карманы ветровки. — Всё меняется! Ты сейчас такой спокойный, потому что у всех нас на экранах ещё нули тикают. Нам всем ссыкотно, признай это. Как с этим жить вообще?

— Да так же, как жил, — Логан пожал плечами и бросил окуроч. — Проснулся, поел, пошёл по делам, лёг спать. Смерть всегда была где-то в будущем. Твой выбор: бегать от него или забить, хотя, если честно, выбора-то особого нет.

— В смысле нет? — раздражение Итана росло. — Если всё заранее предопределено, то мы вообще просто марионетки какие-то! Чё ни делай, итог один.

— А раньше ты типа свободным был? — Логан усмехнулся, приподняв бровь. — Тебя в любой день мог автобус переехать или кирпич на башку упасть. Просто ты об этом не думал и строил иллюзии.

— Да хватит вам, а? — Лили передёрнула плечами. — Задолбали со своей честностью. Я не хочу этого знать. Хочу просто надеяться, что всё будет нормально и впереди ещё куча времени.

— Твоя надежда — это просто анестезия от реальности, — сказал Логан.

За последние полгода они перебирали эти мысли сотни раз, и каждый раз споры заходили в один и тот же тупик. Напряжение росло, а ответов ни у кого не было. Итан стиснув зубы, резко развернулся от края крыши и посмотрел в сторону Ноя, который всё это время сидел в стороне, свесив ноги в пустоту.

— Ной, а ты чё молчишь? — крикнул Итан. — Ты там вообще живой или как?

Ной не ответил сразу. Он медленно, как бы нехотя, повернул голову в их сторону. Его взгляд, прежде устремлённый в даль, стал сосредоточенным, но по-прежнему спокойным, почти пустым. Затем, не меняя выражения лица, он аккуратно, без резких движений, подтянул ноги из-за парапета, встал на ноги и развернулся к друзьям всем телом.

Он не улыбался, не хмурился, просто смотрел на них тем немного отстранённым взглядом, который, казалось, видел не только их лица.

— Да я слушаю, — сказал он. — Просто... что толку спорить? Вы все и правы, и нет одновременно.

Итан скептически хмыкнул, скрестив руки на груди.

— О, ну давай, просвети нас, раз ты у нас самый умный.

— Да не умный я, — Ной почесал затылок и отвёл взгляд. — Просто Лили боится что-то не успеть, ты, Итан, боишься стать марионеткой, а Логан пытается убедить себя, что ему пофиг. А вещь-то одна и та же. Этот браслет... он же в сути ничего не меняет. Смерть всегда была. Ну, внутри нас, что ли, даже когда мы о ней не думали. Просто теперь её сделали видимой... вот как температуру на градуснике: ты можешь на него не смотреть, но ты всё равно болен.

— Но это же вообще не одно и то же! — воскликнула Лили, подавшись вперёд. — Раньше была надежда, что всё как-нибудь обойдётся, что случится чудо, медицина шагнёт вперёд...

— Не шагнёт, — коротко отрезал Ной. — Чудес не бывает. Всё равно все умирают, это закон природы.

— И чё, по-твоему, это нормально? — снова завёлся Итан. — Жить с таймером? Каждое утро просыпаться и видеть, что тебе жить стало меньше на часы? Да это же долбаный ад!

Ной пожал плечами, выглядя немного неуверенно.

— Ну... не знаю. Жизнь всегда такой была. Мы и раньше тратили дни на всякую херню: на ссоры из-за ерунды, на дурацкую работу. А теперь... если у тебя на счётчике, допустим, много дней, ты будешь точно знать, что сегодня скорее всего не умрёшь. Разве это плохо? Помоему, это даёт хоть какую-то уверенность, наверное.

— Какая уверенность, если это приговор! — не сдавался Итан.

— Да всё вокруг приговор, — буркнул Ной, потянув себя за край рубашки. — Я читал где-то... в общем, смертники в тюрьмах, которым сказали точную дату казни, иногда начинают жить полнее, чем те, у кого вся жизнь впереди, потому что иллюзия, будто время бесконечно, исчезает.

— Ты говоришь, как робот какой-то, — Итан с отвращением отвернулся.

— Да нет, — вставил Логан, до этого молча наблюдавший за ними. — Он просто пытается с этим смириться.

— Ну да, наверное, — повторил Ной, утыкаясь взглядом в свои поношенные кроссовки.

— А я не могу так! — почти выкрикнула Лили, и на глазах у неё навернулись слёзы. — Не хочу я ничего принимать! Я бояться хочу, надеяться, злиться... Это же естественно!

Ной посмотрел на неё, и его взгляд немного смягчился.

— Да нормально это, Лил, конечно естественно. Бойся, злись, плачь, кто мешает? Я ж не говорю, что надо стать сухарём. Просто... не делайте из цифры на экране какого-то монстра. Это просто цифра. Ваша жизнь — это то, что происходит прямо сейчас.

После этих слов спорить дальше никто не стал. Логика Ноя хоть и казалась немного странной, но споры замяла. На крыше снова стало тихо. Логан поёжился, засунул руки глубоко в карманы камуфляжных штанов и поглядел на потемневшее небо.

— Ладно, философы, хорош лясы точить, — сказал он. — Пошли вниз, а то темень уже, да и дубак начинается. Мы тут собрались не для того, чтобы в последний вечер друг другу глотки перегрызть.

— А что нам завтра-то делать? — спросила Лили. Она сжалась в комок на паллетах и обхватила колени руками, пытаясь согреться.

— Да все что-то делать будут, — ответил Логан. — Кто-то дома закроется на все замки и будет под одеялом сидеть, кто-то в церковь побежит грехи замаливать.

— Ну да, — согласился Итан, поворачиваясь к ней. — Во всех странах, во всех городах одно и то же будет. Кто-то засядет в четырёх стенах, но большинство, как по мне, выползут на улицы. На площади, в парки, туда, где будут висеть большие табло с обратным отсчётом. Это же мировая штука, у всех одновременно в шесть вечера бахнет. Люди захотят быть вместе, в толпе, чтобы не так жутко было в одиночку на это смотреть.

— Вот и мы пойдём, — подытожил Логан. — Чё дома тухнуть и с ума сходить. Давайте завтра в шесть вечера встретимся на площади Бейла. Там как раз главный таймер стоит. Если связь не ляжет, созвонимся, а нет... так просто соберёмся у фонтана. Идёт?

Итан посмотрел на Лили, та молча кивнула. Ной тоже коротко махнул головой в знак согласия.

Прошло около получаса. Итан, Лили и Логан один за другим спустились вниз по тёмной лестнице, их голоса и шаги постепенно затихли в глубине здания, и на крыше остался только Ной. Он снова уселся на прежнее место, свесив ноги за парапет, но теперь уже ничто не отвлекало его.

Он сидел неподвижно, лишь изредка поправляя развевающиеся на ветру волосы. Его взгляд медленно блуждал по городскому пейзажу, переходя от тёмных силуэтов крыш к ярким цепочкам уличных фонарей, от редких движущихся фар к тёмным прямоугольникам окон, в которых зажигался тёплый, жёлтый свет. Город жил своей вечерней жизнью: где-то на улице раздавался короткий смех, где-то хлопнула дверь машины, с далёкой трассы доносился ровный, затяжной гул. Всё было как всегда, как вчера, как полгода назад. И в то же время всё было совсем иначе.

Периодически он поднимал левую руку и смотрел на устройство. Цифры на экране продолжали своё движение: **00:22:47:11**. Двадцать два часа, сорок семь минут, одиннадцать секунд. Потом десять. Потом девять. Он наблюдал за сменой последней цифры, за тем, как плавно, без скачков, минута сменяла минуту. Белое свечение экрана в темноте казалось ярким, почти болезненным для глаз. Он не испытывал при этом ни страха, подобного лилиному, ни гневного напряжения Итана, ни попыток рационального принятия Логана.

Он думал о том, что будет завтра в это время. Мысль об этом не вызывала в нём трепета. Сама по себе цифра не значила ничего. Важны были только действия, которые заполняют промежуток между сейчас и тем моментом, когда эта цифра обнулится. А чем их заполнить — вот единственный реальный вопрос. И, как он считал, каждый должен был найти на него свой ответ.

Когда стало совсем холодно, а звёзды на небе загорелись ярче городских огней, он наконец поднялся. Суставы слегка занули от неподвижности. Он потянулся, разминая спину и шею, и ещё раз, уже в последний раз, окинул взглядом раскинувшийся внизу город, погружённый в синюю, предночную мглу. Затем развернулся и направился к тёмному проёму, ведущему вниз.

Спуск по заброшенному зданию в одиночестве был другим опытом. Без смеха и перешёптываний друзей каждый звук отдавался слабым эхом в пустых бетонных коробках этажей. Его кроссовки шуршали по мелкому битому стеклу и гравию на ступенях. Луч света от его телефона, который он включил, чтобы не споткнуться, выхватывал из темноты облупившуюся краску на стенах, груды строительного мусора, причудливые тени от обвалившихся конструкций. Воздух пах старой пылью и чем-то кислым — возможно, остатками чьего-то пикника. Он шёл не спеша, уверенно находя знакомые повороты, и через несколько минут его силуэт вынырнул из пролома в заборе на задворки здания.

Оказавшись на улице, он вдохнул прохладный, уже по-настоящему ночной воздух. Здесь, в районе старых складов, было почти безлюдно. Только одинокий уличный фонарь с трещащей лампой мигал через равные промежутки, отбрасывая на асфальт прыгающие тени. Он застегнул свою рубашку в клетку на одну пуговицу, засунул руки в карманы брюк и пошёл в сторону более оживлённых улиц.

Путь до его квартиры занимал около сорока минут пешком, и он предпочёл идти, а не ехать. Город в этот час был странным. С одной стороны, обычная вечерняя рутина: люди возвращались из кино или кафе, парочки гуляли, у подъездов курили соседи. Из открытых окон доносились звуки телевизоров, ссоры или смех. С другой стороны, везде чувствовалось лёгкое, едва уловимое напряжение. Взгляды людей, сами того не осознавая, чаще скользили по чёрным браслетам на своих запястьях и на запястьях прохожих. Разговоры затихали быстрее, чем обычно, а в паузах висела тяжёлая, невысказанная мысль. В витринах магазинов, где всё ещё горел свет, виднелись пустые полки — люди в последние дни скупали воду, консервы, батарейки, готовясь к неопределённости завтрашнего дня. На одном из перекрёстков он увидел, как молодая женщина, стоя у светофора, вдруг беспричинно расплакалась, а мужчина рядом растерянно пытался её обнять. Ной прошёл мимо, не замедляя шага.

Он шёл по тротуарам, мимо припаркованных машин, мимо всё ещё работающих круглосуточных магазинов, мимо бездомных собак, рыскающих у мусорных контейнеров. Он слышал звук своих шагов, ровное дыхание, отдалённый гул ночного города. Он видел всё это — эту последнюю, хрупкую нормальность, висящую на волоске. Он приближался к своему дому, к обычной пятиэтажке из силикатного кирпича, когда его путь лежал через маленький скверик. Там, на лавочке в тени старых клёнов, он на мгновение остановился, глядя на тёмные очертания спящих качелей на детской площадке.

И тогда, обращаясь не к кому-то конкретному, а скорее к ничего не подозревающей в своей обыденности картине мира, он тихо произнёс фразу:

«Завтра мы не узнаем ничего нового. Мы лишь увидим то, что было истиной всегда».

Наступил следующий день. К пяти часам вечера площадь Бейла уже не просто кипела — она была переполнена до состояния, когда отдельные люди сливались в единую, плотную, дышащую массу. Со стороны казалось, будто вся мостовая и плитка исчезли под сплошным

слоем курток, капюшонов и поднятых к небу лиц. Людей были тысячи, может быть, десятки тысяч. Они заполнили не только саму площадь, но и прилегающие улицы, тротуары, ступени у зданий, даже какие-то строительные леса у одного из ремонтируемых фасадов. Давка была такой, что сдвинуться с места, даже если очень хотелось, уже не представлялось возможным. Просто стояли, тесно прижавшись друг к другу, плечом к плечу, спиной к спине.

Воздух над площадью гудел. Этот гул состоял из тысяч приглушённых разговоров, нервного смеха, плача детей и окриков тех, кто пытался найти в толпе своих. Пахло потом, парфюмом, пылью, поднятой с плитки, и сладковатым запахом жареного теста от ларьков, которые, как ни странно, ещё работали на окраинах площади. Солнце, уже клонящееся к закату, било в спины людям, стоящим лицом к мэрии и гигантскому экрану на ней. На экране, как и на всех устройствах, шёл обратный отсчёт, увеличенный в масштабе. Большие, чёткие цифры отображались там: **00:00:04:58**.

Итан и Лили стояли примерно в тридцати метрах от центрального фонтана, у которого договаривались встретиться. Протиснуться туда сквозь стену людей они даже не пытались. Их зажал с двух сторон: сзади стоял плотный мужчина в кожаной куртке, который тяжело дышал, спереди же было две девушки, одна из которых непрерывно всхлипывала. Итан стоял, немного развернувшись к Лили боком, пытаясь хоть как-то прикрыть её от основного напора толпы. Их отношениям было всего две недели. Они не держались за руки — руки были заняты, чтобы удерживать равновесие в толпе. Но Итан чувствовал всё её тело, прижатое к его боку, каждый её вдох и выдох. Он то и дело наклонялся к её уху и говорил что-то вроде «Всё нормально» или «Держись», но слова терялись в общем гуле.

Лили была бледной. Она одной рукой вцепилась в рукав куртки Итана, а другой сжимала своё запястье с устройством, будто пытаясь спрятать его от самой себя. Она постоянно смотрела то на огромный экран на мэрии, то на свой маленький дисплей, сравнивая цифры, хотя они, конечно, были синхронизированы. Её глаза были широко раскрыты, в них читался чистый, неконтролируемый страх. Иногда она поднимала взгляд на Итана, ища в его лице подтверждения, что это не сон.

— Ты Логана видишь? — почти крикнула она ему в ухо, чтобы перекрыть шум.

Итан, приподнявшись на цыпочках, несмотря на то, что его и так подпирали со всех сторон, начал медленно водить взглядом по морю голов. Лица сливались в одно пятно: затылки, кепки, шапки, загорелые шеи. Он искал знакомую широкоплечую фигуру, причудливый пучок волос на макушке. Минуту он ничего не мог разглядеть, пока его взгляд не зацепился за высокого мужчину примерно в тридцати-тридцати пяти метрах левее, у края памятника. Это был Логан. Он стоял, прислонившись спиной к гранитному постаменту, что давало ему небольшую опору. Он тоже был зажат толпой, но, казалось, это его не особо беспокоило. Он смотрел не на экран, а куда-то поверх голов, и его лицо, насколько можно было разглядеть с такого расстояния, было сосредоточенным, но по-прежнему спокойным.

В тот момент, когда Итан его увидел, Логан, будто почувствовав взгляд, медленно повернул голову. Их глаза встретились через толпу. Логан не стал махать или кричать. Он просто коротко, почти незаметно кивнул. Мол, я здесь, вижу вас, держитесь. Итан в ответ тоже кивнул, ощущая странное облегчение от того, что они всё-таки нашли друг друга в этом хаосе, даже если добраться невозможно.

Протискиваться к нему не было ни малейшего смысла. Между ними была непроходимая стена из людей, и любая попытка сдвинуться с места вызвала бы волну раздражения и толчков. Да и смысла в этом уже не было: до Раскрытия оставалось меньше пяти минут. Они все были вместе, но при этом каждый равнялся один на один со своей судьбой, которую вот-вот должны были огласить. Толкучка вокруг стала ещё жестче, люди инстинктивно подавались вперёд, к экрану, хотя это ничего не меняло. Итан почувствовал, как капли пота стекают у него по виску, хотя вечер был уже прохладным. Он снова посмотрел на экран.

00:00:03:15.

Примерно за три минуты до окончания отсчёта на временной сцене, сооружённой у подножия мэрии, произошло движение. Из-за чёрного занавеса вышли сначала два крупных охранника в тёмных костюмах и с серьёзными лицами. Они осмотрели пространство перед сценой, где плотность толпы была особенно высокой, и отсалютовали кому-то невидимому. Затем на сцену вышел мужчина.

Он был одет в идеально сидящий тёмно-синий костюм, но без галстука. Белая рубашка была расстегнута на две верхние пуговицы. Ему было лет пятьдесят, с седеющими у висков тёмными волосами, аккуратно зачёсанными назад. Лицо его было знакомо многим по телевизионным дебатам последних месяцев — Аларик Вейн, бывший профессор социологии, а ныне самопровозглашённый «голос растерянного поколения». Он не был официальным лицом, не представлял власти. Он был просто публичным интеллектуалом, который после появления устройств стал ездить по городам и проводить «терапевтические митинги», пытаясь объяснить людям, что с ними происходит. Кто-то считал его шарлатаном, кто-то считал его единственным, кто говорит правду.

Он подошёл к микрофонам, установленным по краю сцены. Охранники встали по бокам, скрестив руки на груди. Гул на площади на секунду стих, сменившись напряжённым, выжидающим шипением. Все глаза теперь были прикованы к нему, а не к экрану с цифрами.

Аларик Вейн обвёл толпу медленным, тяжёлым взглядом. Он не улыбался.

— Братья и сёстры! — начал он, и его голос, усиленный мощными динамиками, разнёсся над площадью, заглушая последние разговоры. Голос был низким, хриловатым от многолетнего говорения, но очень внятным. — Посмотрите друг на друга. Взгляните на соседа справа. На соседа слева. Видите эти чёрные полосы на всех запястьях? Видите?

Люди невольно, как по команде, взглянули на свои руки и вокруг.

— Полгода назад они появились. С неба упали, из земли выросли, чёрт его знает как. Нас скрутили, как скот на убой, и надели на нас эти... ошейники с таймером! Они сказали нам: «Ждите». И мы ждали, как дураки. Мы ходили на работу, платили налоги, смотрели сериалы, ругались из-за пустяков... а в это время на руке у каждого тикала бомба. Наша собственная, личная бомба! Нас лишили самого главного — неопределённости! — продолжал он, и его голос набрал силу. — Нам оставили только страх, страх завтрашнего дня, а завтра, оказывается, уже сегодня! Через три минуты мы все станем...

Он не подобрал подходящего слова и просто шагнул ближе к краю сцены, наклонившись к толпе.

— И знаете что? Это — величайший подарок! Да, вы слышали меня правильно. Подарок! Потому что теперь не будет места лжи. Никто не сможет говорить «у меня вся жизнь впереди», чтобы оправдать своё ничегонеделание. Никто не сможет откладывать жизнь на потом. Потому что «потом» теперь имеет точную дату! Его можно пощупать глазами! Они думали, что сломают нас! Что мы сожрём друг друга в панике, когда увидим цифры! Так давайте докажем им, что мы не скот! Давайте встретим эту правду не как трусы, а как люди, которые наконец-то могут жить без самообмана! Каждая секунда, которая остаётся на этих экранах после завтра, — это ваша секунда, ваша жизнь. Не их! Ваша! И только вы решаете, что с ней делать — пролить её, как воду сквозь пальцы, или вдохнуть её полной грудью!

Толпа всколыхнулась. Кто-то начал скандировать «Вейн! Вейн!», кто-то плакал, кто-то просто смотрел, раскрыв рот.

Он продолжал ещё около минуты, говоря о силе, о единстве, о том, что теперь человечество станет честным перед самим собой. Он закончил, когда на огромном экране позади него оставалось **00:00:02:01.**

— Встречайте свою судьбу с открытыми глазами! — прокричал он в микрофоны последние слова и, резко развернувшись, скрылся за чёрным занавесом. Охранники последовали за ним.

На площади воцарилась на несколько секунд тишина. А затем с экрана, а также из всех городских громкоговорителей, раздался спокойный, синтезированный, бесстрастный женский голос.

— Внимание. До момента Раскрытия остаётся две минуты.

Толпа ахнула, как один организм. Люди снова, почти судорожно, стали смотреть на свои устройства, на большой экран. Через минуту голос повторил:

— Внимание. До момента Раскрытия остаётся одна минута.

Напряжение достигло такого накала, что стало физически трудно дышать. Люди перестали толкаться. Они замерли. Стояли, уставившись вперёд, сжимая руки в кулаки или обнимая самих себя. Итан почувствовал, как Лили прижалась к нему, закрыв глаза.

— До момента Раскрытия остаётся тридцать секунд.

Те, кто смотрел на экран, видели еще до объявления о тридцати секундах, как последняя минута начала отсчёт в обратном порядке: 59, 58, 57...

— Двадцать секунд.

— Десять секунд.

И тогда голос начал отсчитывать каждую секунду.

— **Девять.**

— **Восемь.**

Кто-то в толпе заголосил высоким, истеричным криком, который тут же затих.

— **Семь.**

— **Шесть.**

Лили прошептала что-то, но Итан не разобрал.

— **Пять.**

Он сам непроизвольно задержал дыхание.

— **Четыре.**

Он увидел, как на большом экране цифры сменились на крупный обратный отсчёт последних мгновений.

— **Три.**

Он сжал руку Лили.

— **Два.**

Он закрыл глаза, но тут же открыл их.

— **Один.**

Ноль.

Итан действительно закрыл глаза в ту самую последнюю секунду, сжав веки так сильно, что перед ними вспыхнули красные и оранжевые пятна. Он не мог сказать, сколько именно времени прошло — может быть, три секунды, может быть, десять. Но когда он заставил себя открыть глаза, мир вокруг уже не был застывшим в ожидании. Он был в самом настоящем разгаре нарастающего, стремительного хаоса.

Сначала он просто ощутил физическое давление. Толпа, которая до этого стояла как вкопанная, теперь пришла в смятенное, нескоординированное движение. Она не побежала в какую-то одну сторону, а затолкалась на месте, подобно гигантскому животному, дёргающемуся в конвульсиях. Люди начали расталкивать друг друга, не глядя и не разбирая дороги. От этого общая масса стала качаться, и Итан, потеряв на мгновение равновесие, едва не упал, наткнувшись на спину человека перед ним. Гул, который до этого был приглушённым, взорвался какофонией звуков. Это был уже рёв тысяч голосов, в котором невозможно было разо-

брать слов — только слившиеся воедино крики, вопли, рыдания, дикие, нечленораздельные выкрики.

Прямо перед ним мужчина в потрёпанной кожаной куртке, с красным, искажённым лицом, яростно дёргал и бил своим запястьем о металлический поручень ограждения, пытаясь сорвать или разбить устройство. Слышался глухой стук кости и пластика о железо. Из его горла вырывалось что-то среднее между стоном и ругательством. Чуть дальше девушка в розовой кофте трясла за плечи своего парня, который, казалось, окаменел. Он смотрел прямо перед собой пустым взглядом, и его трясли, а он не реагировал. Справа от Итана пожилой человек просто опустился на колени, а затем лег на асфальт лицом вниз, раскинув руки, и лежал неподвижно, в то время как ноги прохожих, мечась, едва не задевали его.

Кто-то, как и Итан, стоял в полной прострации, бессмысленно водя глазами по окружающему кошмару, будто не в силах осознать, что это реальность. А кто-то уже поддался слепой ярости. Метрах в пяти началась драка: двое молодых людей, без всякой видимой причины, просто набросились друг на друга, нанося беспорядочные, тяжелые удары кулаками. Они падали, цеплялись за одежду, снова поднимались, и вокруг них моментально образовалась маленькая зона давки, так как люди отпрянули, создавая суетливую пробку.

Взгляд Итана, помимо его воли, скользнул к сцене. Туда уже взобрались несколько человек. Один из них что-то кричал в отключённые микрофоны, размахивая руками, другой просто пинал аппаратуру ногами. Вдалеке, на подъездных дорогах к площади, завывали сирены. Сначала полицейские машины, а затем и машины скорой помощи пытались пробиться сквозь стену людей, но это было практически невозможно. Послышались резкие, отрывистые звуки сирен, перекрываемые общим рёвом. Где-то очень близко, может быть, в соседнем переулке, раздался резкий, сухой звук, похожий на выстрел, а затем ещё один. Итан не увидел, откуда именно, но люди в той стороне дружно пригнулись и зашумели с новой, панической силой.

И тогда его взгляд, поднявшись выше толпы, зацепился за что-то на одной из крыш пятиэтажного здания, выходившего на площадь. На парапете стояла фигура молодого парня в светлой футболке. Он стоял неподвижно секунду, две, а потом просто шагнул вперёд. Стоит заметить, что не прыгнул, не бросился, а именно шагнул, как со ступеньки. Он летел вниз недолго. Итан не видел момента удара — его заслонили другие здания и люди, — но он увидел, как уже безжизненно и странно скомканное тело лежит на тротуаре у стены дома, и как вокруг него медленно образуется небольшое свободное пространство — люди, даже в своем безумии, инстинктивно отступали от этой самой кончины.

Это зрелище, словно удар током, заставило Итана очнуться. Он резко, с паническим усилием, повернул голову туда, где только что была Лили. Она стояла на том же месте, прижатая к нему толпой, но теперь она не смотрела на него. Она смотрела на своё левое запястье. В её глазах было какое-то остекеневшее, гипнотическое сосредоточение. На экране её устройства больше не было обратного отсчёта. Там горели другие цифры: **25 лет, 0 месяцев, 2 дня**. Ниже, более мелким шрифтом, светились ещё две строчки: часы и минуты, которые, очевидно, должны были отсчитывать уже время в пределах этих лет. Они двигались в обратном порядке.

Тогда, будто по щелчку невидимого, сознание Итана наконец врубилось окончательно, выйдя из оцепенения. Он резко поднял свою левую руку и повернул её ладонью вниз.

На экране его устройства тоже горели цифры: **25 лет, 1 месяц, 6 дней**.

Итан всё ещё смотрел на цифры на своём запястье, пытаясь осмыслить их значение, когда в его левый бок и плечо пришёлся сильный, резкий удар. Кто-то, отчаянно пробивающийся через толпу назад, толкнул его, не глядя, со всей силы. Итан не успел даже выставить руки. Он потерял равновесие, его ноги подкосились, и он тяжело, всем весом, упал на асфальт. Удар пришёлся на бок и локоть; в ухе отдался глухой стук, и по руке разлилась тупая, горячая боль. Воздух вырвался из лёгких со свистящим звуком.

Лили, которая только что очнулась от своего ступора, увидела это. Она попыталась наклониться к нему, протянуть руку, но толпа вокруг них не стояла на месте. Её оттолкнули в сторону, затем снова откинуло назад, к Итану. Она покачнулась, едва удерживаясь на ногах, а её руки беспомощно хватали воздух. Каждый раз, когда она пыталась сделать шаг в его сторону, новый поток метавшихся людей отбрасывал её или закручивал в сторону. Она кричала его имя, но её голос был совершенно неслышен в общем рёве.

Итан, откашлявшись, попытался подняться на колени. Где-то, может быть в квартале отсюда, раздалась короткая автоматная очередь — несколько сухих, отрывистых хлопков. Затем, чуть дальше, прозвучал глухой удар, больше похожий на взрыв — возможно, лопнула шина или что-то взорвалось. Со всех сторон доносился звон бьющегося стекла: витрины, фары машин. Рев моторов смешался с сиренами; где-то произошло ДТП — послышался протяжный визг тормозов и металлический удар. Какая-то машина, вырывавшаяся с площади, явно в кого-то врезалась.

Перед его затуманенным взглядом появилась чья-то рука — не маленькая и тонкая, как у Лили, а крупная, с широкой ладонью и крепкими пальцами, на одном из которых был простой чёрный перстень. Итан, не думая, машинально вцепился в неё. Рука резко дёрнула на себя, с силой, которой он не мог сопротивляться, и он смог встать на ноги. Перед ним, расставив ноги для устойчивости в толпе, стоял Логан. Его лицо было покрыто тонкой плёнкой пота, волосы из пучка выбились и прилипли ко лбу, но глаза смотрели остро и сосредоточенно. Он уже успел оценить обстановку.

Логан что-то крикнул ему прямо в ухо. Итан не разобрал слов, но понял интонацию и движение губ: «Держись за меня! Лили!». Логан резко развернулся, одним движением отпихнув плечом мечущегося рядом подростка, и протянул руку уже к Лили. Та, увидев его, с облегчением ухватила за его куртку. Логан, не выпуская руки Итана и чувствуя, как Лили вцепилась ему в спину, начал двигаться. Он не побежал — бежать было невозможно. Он стал расталкивать людей, прокладывая путь локтями и корпусом, двигаясь не к центру площади, а наоборот, к её краю, где между массивным зданием банка и старой кирпичной постройкой виднелся тёмный проём переулка. Туда уже устремлялись некоторые другие люди, и это было относительно свободнее, чем основной котёл площади.

Их путь в те тридцать метров был медленным и тяжёлым. Они отталкивались от спин, их самих толкали, Лили чуть не упала, споткнувшись о чью-то сумку, но Логан, не оборачиваясь, буквально подхватил её за куртку и потащил за собой. Итан чувствовал, как по его щеке течёт что-то тёплое — вероятно, он рассек её при падении. Наконец, они достигли края толпы. Последний рывок — и они ввалились в узкий переулок.

Здесь было значительно тише. Давка сразу ослабла, потому что переулок был нешироким, заставленным мусорными контейнерами и старыми ящиками, и далеко не все решались забегать в такие тупиковые, на первый взгляд, места. Воздух, насыщенный запахом гари и пыли, был всё же легче для дыхания. Они отбежали на несколько метров от входа, прислонились к грязной кирпичной стене, пытаясь отдышаться. Итан, опираясь руками о колени, видел, как с его носа капаят на асфальт красные капли. Лили, дрожа всем телом, смотрела то на него, то на Логана. Логан, тяжело дыша, оглядывал переулок, ища путь дальше. Казалось, можно было на секунду перевести дух.

Итан выпрямился, собираясь что-то спросить у Логана — что он видел, что у него на устройстве, что будем делать, но слова застряли в горле.

Из-за угла дальней стены, из-за груды сложенных пластиковых ящиков, неожиданно выскочил мужчина. Он был в грязной рабочей робе, лицо его было багровым, изо рта стекала слюна, глаза бегали, не фокусируясь. Он, не разбирая, замахнулся на ближайшего человека, а это оказалась Лили. В его руке блеснул какой-то предмет — не нож, а, кажется, просто осколок стекла или бутылки.

У Итана не было времени думать. Тело среагировало само. Годы занятий тайским боксом, которые он посещал довольно давно, но благодаря которым у него остались мышечная память и понимание дистанции, сработали. Он не стал бить в голову — слишком опасно и для него, и могло быть смертельно для того. Он сделал короткий, резкий шаг вперёд, перенёс вес тела и со всей силы, снизу вверх, всадил кулак в солнечное сплетение нападавшего. Удар пришёлся точно, с мягким звуком, в который вплелся резкий выдох. Мужик не закричал. Из его горла вырвался только короткий, сильный хрип, как у пробитой футбольной камеры. Его глаза округлились от неожиданности и боли. Он сложился пополам, выпустил осколок из пальцев, и, не издав больше ни звука, осел на землю, свернувшись калачиком. Он не умер — его грудь судорожно вздымалась, — но было очевидно, что подняться в ближайшие десять-пятнадцать минут он не сможет.

Итан отдернул руку, почувствовав острую боль в костяшках пальцев. Он даже не посмотрел на упавшего. Логан, не теряя ни секунды, схватил его за плечо и потянул за собой.

— Бежим! Быстро!

Лили, опомнившись, кивнула, и они, уже втроём, бросились бежать вглубь переулка.

Переулок оказался не тупиковым. Он изгибался, сужался, местами приходилось перелезть через упавшую рекламную стойку и обходить опрокинутые мусорные баки, из которых расплзлось зловоние. Под ногами хрустело битое стекло, валялись обрывки одежды, пустые бутылки. Они бежали, не разговаривая, прислушиваясь к звукам с площади, которые отсюда доносились приглушённым, но не менее жутким грохотом. Где-то рядом, во дворе, лаяла собака. Наконец, в конце переулкa они увидели проход между двумя гаражами, ведущий на обычную городскую улицу.

Выбежав на неё, они остановились, чтобы сориентироваться. Эта улица также выходила на площадь, но находилась уже в двухстах метрах от эпицентра. Здесь тоже творился хаос, но несколько иного порядка. Люди не толпились, а скорее метались. По проезжей части, игнорируя правила, на высокой скорости неслись машины. И прямо в этот момент, прямо напротив них, в самом высоком окне пятиэтажного жилого дома, ярко вспыхнуло пламя. Оно вырвалось из окна длинным жёлтым языком, отбрасывая на асфальт прыгающие тени, и сразу же за ним потянулся густой, чёрный дым. Кто-то в доме начал кричать.

Взгляд Итана автоматически скользнул вниз, к дороге. Легковая машина, пытаясь объехать перегородивший путь фургон, резко вывернула на тротуар. Раздался отвратительный глухой удар, и тело молодой девушки, которая, казалось, просто стояла в растерянности, отбросило в сторону, на витрину магазина. Она осела на землю и не двинулась больше.

А в четырёх метрах от них, у самого бордюра, стояла полицейская машина. Она была сильно разбита: лобовое стекло превратилось в паутину трещин, одна дверь была сорвана с петель. На её капоте, прямо на измятой крыше, лежало чьё-то тело, накрытое с головой куском тёмно-синей ткани, похожей на брезент или накидку. Из-под ткани были видны только ноги в высоких, армейского образца, берцах. Кто это был — полицейский, случайный человек — понять было невозможно. Рядом с машиной никого не было.

До них доносились отдалённые, но неумолкающие крики с площади и гул моторов. Итан уже почти собрался с мыслями, как вдруг, всего в двух метрах от полицейской машины, на асфальт тяжело упал человек.

Это был старик, очень худой, в потрёпанном коричневом пальто. Он упал, споткнувшись, или его толкнули — было неясно. Он попытался подняться на колени, но из-за него, выскочив из-за угла соседнего дома, появился мужчина лет сорока. Мужчина был в замасленной куртке, лицо его было искажено такой безумной гримасой, что было трудно разобрать черты. В его руке был булыжник, похожий на кусок бордюрного камня.

Мужчина, не говоря ни слова, навалился на старика. Он не бил его с размаху, а пригвоздил одной рукой к земле, а другой, с зажатым камнем, начал методично, с мокрым звуком,

колотить старика по лицу. Первый удар пришёлся в щёку, второй в нос. Раздался хруст. Третий, четвёртый... Старик сначала вскрикнул, потом захрипел, его руки беспомощно задергались, но он был ещё жив, его тело судорожно дергалось под ударами. Лицо быстро превращалось в кровавое, бесформенное месиво.

Логан среагировал быстрее всех. Он просто сделал два быстрых шага вперёд и с силой нанес боковой удар ногой в корпус нападавшего. Удар пришёлся точно в бок, под ребра. Мужчина ахнул, потерял равновесие и откатился в сторону, выпустив камень из руки. Старик, воспользовавшись моментом, с невероятным для своего состояния усилием отполз в сторону, поднялся на четвереньки, а затем, хромя и спотыкаясь, почти ползком, убрался в тёмный проём между гаражами, скрывшись из виду.

Итан, застывший на мгновение в ужасе, машинально перевёл взгляд на запястье мужчины, который теперь, кряхтя, поднимался с асфальта. На экране его устройства горела единственная цифра: **7**. В спешке и при плохом освещении Итан не успел разглядеть — семь чего? Лет? Месяцев? Недель?

Мужчина поднялся. Теперь его безумие, подпитанное болью и яростью, было направлено на них. Его глаза, налитые кровью, остановились на Логане, как на главной помехе. Он прорычал что-то нечленораздельное, и бросился на него, забыв про камень. Он замахнулся кулаком. Удар был диким, неотточенным, но сильным. Логан попытался уклониться, но не до конца — удар пришёлся по верхней части плеча, ближе к шее. Итан услышал глухой стук и увидел, как Логан на мгновение скривился от боли, но не отступил. Наоборот, он тут же, рефлексивно, схватил напавшего за руку и куртку, пытаясь его контролировать.

Итан, видя, что Логан скован в движениях на близкой дистанции, действовал на автомате. Он подскочил сзади. Воспоминания о тренировках по тайскому боксу, где отрабатывали контроль противника сзади, сработали сами собой. Он перекрестил руки на груди мужчины, обхватив его чуть ниже подмышек, и с силой потянул на себя и вверх, лишая опоры и сжимая грудную клетку. Это был болезненный и эффективный захват, из которого трудно было вырваться, особенно если человек не подготовлен. Мужчина закашлялся, его тело затрепетало, он попытался вывернуться, но Итан держал крепко.

В этой сцепке они, шатаясь, сделали несколько невольных шагов и с размаху врезались боком в ту самую разбитую полицейскую машину. Удар пришёлся по двери с такой силой, что Итан почувствовал, как всё его тело содрогнулось. Мужчина выдохнул воздух со стоном.

Логан, оказавшийся прямо перед ними, увидел у своих ног тот самый окровавленный булыжник. Он не думал ни секунды. Мыслей в этот момент не было вообще — ни о морали, ни о последствиях, ни о том, что происходит. Логан наклонился, схватил камень. Он даже не почувствовал его вес. Он просто, с короткого замаха, со всей силы, которую мог собрать в этой нелепой и ужасной позе, нанёс удар камнем по лицу мужчины.

Раздался тот же мокрый звук, но на этот раз более тяжёлый. Тело в захвате Итана вдруг обмякло, стало невероятно тяжелым.

Логан выронил камень. Он упал на асфальт. Наступила тишина, несмотря на отдалённый грохот города. Они оба, Итан и Логан, смотрели на то, что произошло. Их сознание, заторможенное шоком и действием, начало медленно, с жутким запозданием, обрабатывать информацию.

Итан, испугавшись этой неподвижности, инстинктивно разжал руки. Мужчина, уже совершенно безвольный, сполз по двери машины и осел на землю, беззвучно облокотившись спиной на колесо. Его голова упала на грудь.

Итан отступил на шаг. Его взгляд упал на запястье мужчины. Устройство всё ещё было видно. Те цифры, которые раньше показывали «7», теперь изменились. Теперь там горело: **0 лет, 0 месяцев, 0 дней, 0 часов, 0 минут, 0 секунд**. И эти нули светились не привычным

белым светом, а ярким, тревожным, алым красным. Та семёрка, которую Итан мельком видел, означала семь секунд. И они только что истекли. Устройства работают...

— Что... что я наделал, — прошептал Итан. Он повторил это снова, уже громче, глядя на свои руки: — Что я наделал?

Он не обращался ни к Логану, ни к Лили. Он говорил сам с собой, пытаясь вложить смысл в только что произошедшее. Он убил человека. Нет, они убили. Его руки... Это была самооборона, но от этой мысли не становилось легче. Перед глазамиплыли красные пятна.

Итан смотрел на свои ладони, всё ещё сжатые в кулаки, и не мог заставить их разжаться. Кожа на костяшках была содрана, саднило, но он почти не чувствовал боли. Он смотрел на них и пытался понять: это те же самые руки, которыми он всего несколько часов назад обнимал Лили? Те же пальцы, которыми он поправлял ей волосы? В голове было пусто и одновременно очень тесно от одной единственной мысли: это сделал я. Не какой-то другой человек в пылу схватки, а именно он, Итан.

Он перевёл взгляд на тело у колеса машины. Мужчина лежал неподвижно, неестественно вывернув шею. Алые цифры на его запястье теперь погасли. Совсем. Их больше не было. Итан судорожно втянул воздух, пытаясь вдохнуть, но лёгкие будто сдавило стальным обручем. Отменить это было нельзя. Нельзя было разбудить этого человека, извиниться, объяснить, что они не хотели. Хотели или нет — теперь не имело значения. Он лежал здесь, а они стояли над ним.

По телу прошла мелкая, противная дрожь. Он хотел что-то сказать, позвать Лили, спросить у неё, видел ли она это, правда ли это, но из горла вырвался только сиплый, сдавленный звук. Язык прилип к нёбу. Он чувствовал, как сознание снова начинает уплывать куда-то в сторону, вязнуть в этой красно-чёрной мути перед глазами.

Его вывело из начинающегося ступора резкое движение. Лили, которая всё это время стояла в оцепенении, схватила его за руку выше локтя. Её пальцы впились в мышцы с такой силой, что было больно.

— Итан! Двигайся! — её голос прозвучал резко, срываясь на крик. Она смотрела на Логана, который, бледный, с пустым взглядом, уже инстинктивно отходил от места происшествия.

Логан встретился с ней взглядом и кивнул, резко, побуждая к действию. Он сам повернулся и бросился бежать дальше по улице, в сторону от площади, туда, где казалось немного спокойнее. Лили потянула за собой Итана. Он позволил ей это сделать, его ноги двигались на автомате, почти не слушаясь.

Он бежал, спотыкаясь, всё ещё что-то бормоча про себя, когда в десяти метрах впереди них на перекрёсток вынеслась огромная фура с прицепом. Кабину машины охватывало яркое пламя, чёрный дым стелился из-под колёс. Она мчалась, совершенно неуправляемая. Два человека, перебежавшие дорогу прямо перед ней, не успели даже отпрыгнуть. Фура на полном ходу сбила их. Раздался отвратительный, сложный звук. Тела отбросило в разные стороны, и они остались лежать неподвижно. Горящая фура, не сбавляя скорости, пронеслась дальше, скрывшись за поворотом, оставив после себя только стойкий запах палёной резины.

Сознание Итана, уже расшатанное увиденным и содеянным, поплыло.

Он тут же, с усилием, открыл глаза. Но и это было не полноценное пробуждение. Перед ним, прямо по центру зрения, висел размытый, жужжащий свет. Что-то похожее на старую люминесцентную лампу, которая мигает перед тем, как разгореться. Свет был резким, неприятным для глаз. Итан инстинктивно зажмурился, ощутив легкую тошноту. Он попытался снова открыть глаза, медленнее. Ощущения были смутными, плавающими. Он чувствовал, что лежит на чём-то твёрдом и холодном, покрытом тонким слоем пыли или песка. Под спиной и головой

была некая плотная ткань, может быть, куртка или одеяло. Тело ломило, особенно плечо, бок и голову. Во рту стоял неприятный, горький привкус, а губы были сухими и потрескавшимися.

Постепенно, преодолевая слабость и головокружение, он смог приподняться на локтях. Он упёрся спиной во что-то твёрдое и шершавое — стену. Перед ним, в полумраке, виднелись тёмные, деревянные, уходящие вверх ряды сидений. Он был задвинут в узкое пространство между стеной и последним, самым высоким рядом. Осмотревшись, он с трудом начал узнавать очертания. Высокий потолок с балками, большой проём в стене, ведущий в более освещённое пространство... Он находился в актовом зале. В актовом зале своей старой школы, которую он и Лили закончили всего год назад.

Он медленно поднялся на ноги, опираясь на стену. Ноги дрожали, но держали. Он сделал несколько неуверенных шагов вперёд, мимо рядов пустых кресел, и вышел из узкого бокового разделения, где обычно хранился реквизит, на открытое пространство перед сценой.

Здесь было светлее. Кто-то завесил высокие окна тёмной тканью, но через щели пробивался тусклый утренний свет, смешиваясь с жёлтым светом нескольких работающих аварийных светильников и одной-единственной лампы на стене. В зале были люди. Не много, а человек семь-восемь. Они сидели на расставленных в беспорядке стульях или прямо на полу, на разостланных куртках.

Едва он сделал пару шагов вперёд, как из-за ближайшего ряда сидений в него буквально влетела мелкая, стремительная фигура. Это была Лили. Она обхватила его так сильно, что у него перехватило дыхание. Она прижалась лицом к его груди, и он почувствовал, как всё её тело дрожит, но теперь не от страха, а от безудержного, захлёстывающего облегчения.

— Ты очнулся, — выдохнула она. — Ты очнулся, слава богу...

Он машинально обнял её, по её спине скользнула его рука. Она была в той же одежде, что и вчера, но теперь её кофта была испачкана в каких-то тёмных пятнах, а волосы выбились из пучка и висели растрёпанными прядями. Они стояли так несколько мгновений, и постепенно Итан начал приходить в себя. Он взглянул на своё запястье. Цифры поменялись: **25 лет, 1 месяц, 5 дней.**

— Сколько я был... в отключке? — спросил он, осторожно отпуская Лили.

Она отступила на шаг, вытерла тыльной стороной ладони щеку, смазывая грязь и слёзы.

— Целую ночь и утро. Сейчас... наверное, часов десять, — сказала она. — Мы еле тебя дотащили. Ты вырубился, как только мы свернули в тот переулок за горячей фурой. Логан тебя почти на себе нёс последние полкилометра.

Итан кивнул, медленно переваривая информацию. Целый день. Он пропустил первые сутки нового мира. Он осмотрел зал. У стены, на сложенных в ряд стульях, сидели трое: мужчина лет сорока с усталым, обветренным лицом, женщина помоложе, с тёмными кругами под глазами, и подросток лет тринадцати, который что-то сосредоточенно ковырял в полу. Видимо, семья. Чуть поодаль, на ступеньках, ведущих на сцену, сидели двое подростков постарше, лет шестнадцати. Они тихо переговаривались, поглядывая на остальных. В углу, на расстеленном одеяле, сидела одинокая женщина, качавшая на руках младенца, завернутого в какую-то тёмную ткань. И у самой сцены, прислонившись к ней спиной, сидел Логан.

Логан, увидев, что Итан на ногах и в сознании, медленно поднялся. На его лице, обычно сдержанном, появилось выражение искреннего, почти радостного облегчения. Он даже улыбнулся. Он подошёл и, без лишних слов, по-дружески обнял Итана за плечи, похлопал по спине.

— Живой. Идиот, но живой, — сказал он.

— Спасибо, что... вытащили, — выдавил Итан.

— Не за что. Сам потом чуть не рухнул, — Логан махнул рукой, будто отмахиваясь от неважного. — Ладно, знакомься с нашим новым «санаторием», — он жестом обвёл зал.

— Кто все эти люди? — спросил Итан, опускаясь вместе с Логаном на край сцены. Лили села рядом.

— Помощники по несчастью, — пояснил Логан, понизив голос. — Ту семью мы встретили, когда они пытались выбраться из города на своём фургоне. У них кончился бензин как раз в том районе, где мы тебя тащили. Они увидели нас, я крикнул, что помощь нужна. Мужик помог мне тебя донести до их фургона, а потом мы вместе толкали его до заправки, которая, к счастью, оказалась разграбленной, но не опустошённой до конца. Выкачали остатки из резервуаров. Они нас подбросили в сторону этого района, пока не застряли в пробке из брошенных машин. Дальше шли пешком вместе. Женщину с ребёнком — её зовут Харпер Синглтон — мы нашли уже ближе к ночи. Она сидела в подъезде и плакала, ребёнок кричал. Забрали с собой. А этих пацанов, — он кивнул в сторону подростков, — мы уже здесь обнаружили. Они пришли в школу раньше нас, искали, где спрятаться. Зовут Джейс и... имя второго запомнил, уж извини. Школьники.

— А почему именно школа? — спросил Итан, оглядывая знакомые стены.

— Логистика, — просто сказал Логан. — Высокие заборы по периметру, прочные двери, которые можно забаррикадировать. Окна на первом этаже решётки. Знакомое место — знаешь все выходы и тайники. И главное — школьная столовая и склады. Мы уже рекогносцировку провели. Консервов, круп, макарон хватает на месяц, а то и больше, если экономно, на всех нас хватит. Есть генератор, но топлива мало, бережём. Водопровод пока работает, но воду кипятим. Это самое безопасное и обеспеченное место в радиусе километра, которое мы смогли найти, пока ты в отрубе был.

Итан слушал, медленно встраиваясь в новую реальность. Он посмотрел на своё устройство, потом на Лили.

— А у тебя сколько? — спросил он её, хотя уже знал ответ.

— Двадцать пять лет и один день, — тихо сказала она и показала запястье, как будто в подтверждение.

Итан робко, почти нерешительно, повернулся к Логану.

— А у тебя? — спросил он.

Логан посмотрел на него, потом на Лили, потом снова на Итана. Он ничего не сказал, а просто поднял левую руку, нащупал сбоку устройства, видимо, какую-то кнопку (Итан и не знал, что их можно нажимать), и экран сменил отображение, показав более подробную расшифровку. Он поднёс запястье ближе, чтобы Итан мог разглядеть: **50 лет, 2 месяца, 3 дня.**

Итан выдохнул. По сравнению с его двадцатью пятью — невероятное богатство.

— Поздравляю, старик, — сказал он, и в его голосе прозвучала слабая, но искренняя попытка шутки. — Теперь ты долгожитель.

Логан фыркнул, опустил руку.

— Спасибо. Буду есть овсянку и делать зарядку. А пока, — его лицо снова стало серьёзным, — придётся тут перекаптоваться. Месяц, может, больше, пока на улицах не станет хоть немного спокойнее. Не идиотов же бить камнями каждый день. Еды, повторюсь, хватит, вода пока есть. Главное, не светиться и не шуметь.

Итан кивнул. Всё это было разумно. Он откинулся назад, опершись локтями о деревянный настил сцены, и вдруг, резко, в его сознании всплыл образ. Спокойное лицо, волнистые волосы, отрешённый взгляд. Человек, которого не было с ними с того вечера на крыше.

Итан выпрямился:

— А где Ной?

Глава

Глава II : Тот, кто останется

Наступил четвертый день.

Город, который четыре дня назад кипел паникой и насилием, теперь лежал в странном состоянии. Воздух был насыщен мельчайшей взвесью пыли и пепла, которые медленно оседали на асфальт, крыши машин, подоконники. Солнце светило так же ярко, как и раньше, но его свет, пробиваясь через эту взвесь, становился рассеянным, молочным, лишённым резких теней.

Ной сидел на том же самом месте на крыше заброшенного здания, свесив ноги за парапет. Но теперь вид, открывавшийся перед ним, был иным. Машин на улицах почти не было. Те, что остались, стояли брошенными, некоторые с открытыми дверями, другие с разбитыми стёклами. Светофоры на перекрёстках продолжали механически переключать цвета с красного на зелёный, но не было никого, кто бы на это смотрел. Витрины магазинов внизу представляли собой чёрные провалы, обрамленные зубьями разбитого стекла. На тротуарах валялся мусор — оборванная одежда, пустые сумки, осколки, обрывки бумаги, — который никто не убирал. Изредка где-то в отдалении проносилась одинокая машина.

Люди исчезли. Не полностью, конечно. Где-то там, за стенами домов, в квартирах, в подвалах, они прятались. Иногда в окне мелькала тень, шторка чуть отодвигалась и тут же захлопывалась. Город не был мёртвым.

Одежда Ноя была той же, что и в тот вечер: расстёгнутая рубашка в клетку, немного потемневшая, белая майка под ней, чёрные брюки. Кроссовки были покрыты серым налётом. На шее по-прежнему висел потускневший крестик. Волнистые и откинутые назад волосы тоже припорошила пыль, и отдельные пряди беспорядочно падали на лоб. На его лице было выражение, которое трудно было однозначно определить. Это не было отчаянием, не было и прежним спокойствием. Черты лица казались немного размытыми, неотчётливыми, будто он сам стёр с себя излишнюю выразительность. Взгляд его, устремлённый на пустынные улицы, был пустым. И в то же время в уголках его глаз и в лёгком, едва уловимом напряжении вокруг рта читалось удивление.

Он не знал, живы ли его друзья. Мысль о них приходила, но она была лишена паники или активного беспокойства. Он не предпринимал попыток их искать в первые три дня. Любая попытка перемещения по городу была бы игрой в рулетку. Теперь, на четвертый день, ситуация изменилась. Хаос не закончился, но он сменился другим состоянием. И теперь, сидя на крыше, Ной, кажется, начинал обдумывать возможность действий.

Ной наконец спустился оттуда. Ему нужно было двигаться, нужно было увидеть всё своими глазами, а не с высоты. Он вышел на улицу и просто пошёл, не имея конкретной цели, просто выбирая направления на развилках.

Город действительно был пуст. Он шёл по знакомым тротуарам, и под ногами у него хрустело битое стекло от витрин. Сами витрины были пустыми, внутри лежала перевёрнутая мебель, валялись коробки. В одном магазине одежды манекены были повалены на пол, и кто-то надел на одного из них пожарный шлем. Машины стояли где попало: посреди перекрёстка, на тротуаре, врезавшись в фонарные столбы. У одной иномарки все четыре двери были распахнуты настежь, а на сиденье лежала детская игрушка.

Он видел следы мародёрства. Ларёк с сигаретами был выломан до основания, и вокруг валялись пустые пластиковые упаковки. В аптеке пустые полки, рассыпанные по полу бинты и пузырьки. Но самое главное было то, что он почти не видел людей. Изредка в окне высокого этажа мелькала тень, и штора тут же задерживалась. Один раз из подворотни на него уставилась

бездомная собака, но и та, не лая, медленно скрылась в глубине двора. Люди боялись выходить. Боялись друг друга, боялись смотреть на свои запястья.

Через час таких блужданий он вышел к маленькому скверу, вернее, к тому, что от него осталось. Лавочки были перевёрнуты, урны опрокинуты. На одной из уцелевших скамеек сидела пожилая пара. Мужчина, сухонький, в аккуратной, но помятой рубашке и жилетке, сидел прямо, положив руки на колени. Рядом с ним, обхватив голову руками и согнувшись почти вдвое, сидела женщина. Её плечи мелко и часто вздрагивали — она плакала.

Ной замедлил шаг, посмотрел на них, и потом всё-таки подошёл ближе. Он остановился в двух шагах.

— Всё в порядке? — спросил он мужчину. Голос у него был обычный, негромкий, как если бы он спрашивал дорогу.

Старик медленно повернул к нему голову. Глаза его были усталыми, но сухими.

— Жена, — просто сказал он и кивнул в её сторону. — Не может успокоиться уже второй день.

— Что случилось? — спросил Ной, хотя ответ, в общем-то, был очевиден. Все причины для слёз сейчас были одной природы.

Старик помолчал, глядя куда-то в пространство перед собой. Потом тихо сказал:

— На её устройстве неделя, а у меня... у меня ещё года три, вот и не может смириться. Говорит, как же так, мы же всегда вместе.

Ной посмотрел на сгорбленную спину женщины, на её седые, аккуратно уложенные в пучок волосы. Он постоял так минуту, обдумывая что-то. Потом подошёл совсем близко и присел перед ней на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне. Он не трогал её. Просто сидел и ждал, пока она поднимет голову.

Она постепенно затихла, почувствовав чьё-то присутствие. Подняла заплаканное, опухшее лицо. Глаза были красными, полными такого отчаяния, что смотреть было тяжело.

Ной смотрел прямо на неё, не отводя взгляда. Он заговорил негромко, медленно, подбирая простые слова.

— Слушайте, — начал он. — Я понимаю, что страшно, очень страшно, но вы сейчас тратите эти семь дней. Прямо сейчас тратите на слёзы. Плакать нужно на похоронах, а у вас ещё целая неделя. Вы понимаете, что это такое? Неделя — это семь дней. Семь утр, когда можно проснуться и решить, что сегодня будет хороший день. Семь вечеров, чтобы посмотреть на закат. Он сейчас, кстати, красивый, пыльный такой, оранжевый. Семь раз можно сказать своему мужу то, что вы, может, откладывали на потом, поблагодарить его за что-то, просто посидеть с ним молча, держась за руки. Семь чашек чая выпить вместе, семь раз лечь спать и знать, что завтра вы ещё проснётесь. Эти слёзы, они ничего не меняют. Они только отнимают время, которое у вас уже и так по часам расписано. Вы не можете добавить себе ни минуты, но вы можете сделать так, чтобы каждая из этих минут чего-то стоила, хоть чего-то. Сварите ему его любимую кашу, вспомните самый смешной случай из вашей жизни, посмотрите старый альбом, просто пройдите до того киоска и обратно. Проживите эти семь дней. Не переживайте их, а именно проживите.

Он помолчал, потом полез в карман своих брюк. Вытащил смятые, но целые банкноты. Денег было немного, но достаточно.

— Вот, — сказал он, протягивая деньги старику. — Наверное, магазины не работают, но если попадётся какой-нибудь открытый ларек... купите ей что-нибудь вкусное. Шоколадку или те самые конфеты, что она любит. И себе тоже не отказывайте, чтобы был простой повод улыбнуться.

Старик растерянно взял деньги, сжал их в руке. Он смотрел то на Ноя, то на жену. Женщина перестала плакать. Она вытерла лицо ладонями, оставив на щеках грязные полосы, и

глубоко, с видимым усилием, вдохнула, потом выдохнула. В её глазах ещё стояли слёзы, но уже не было той паники.

— Спасибо вам, молодой человек, — тихо, хрипло сказал старик. — Вы... вы правы. Сидеть тут и реветь — дело бесполезное.

Женщина кивнула. Она взяла мужа за руку и, опираясь на неё, медленно поднялась с лавочки. Она посмотрела на Ноя и попыталась что-то сказать, но только снова кивнула, без слов. Потом они, держась друг за друга, медленно пошли прочь из сквера, в сторону своих домов. Они шли очень медленно, но они шли.

Ной смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Потом поднялся с корточек, отряхнул ладони о брюки и пошёл дальше своей дорогой.

Он уже сделал несколько шагов в сторону узкой улочки, ведущей от сквера, когда сзади раздался голос:

— Молодой человек! Пойдите-ка!

Ной остановился, обернулся. Старик, оставив жену сидеть на бордюре неподалеку, быстрыми, семенящими шажками догонял его. Он немного запыхался, подойдя ближе, и на мгновение поставил руки на боки, чтобы отдышаться.

— Что-то забыли? — спросил Ной, поворачиваясь к нему всем телом.

— Нет, нет, ничего не забыл, — отмахнулся старик, выпрямляясь. — Просто хотел вас поблагодарить еще раз. И... спросить, как вас зовут-то? Совсем забыл спросить, а вы нам помогли. Да... всё-таки забыл.

Ной немного помолчал, как бы решая, стоит ли говорить. Потом пожал плечами.

— Меня зовут Ной. Ной Лэндон.

— Ной... — старик повторил, кивая, будто проверяя, как имя ложится на слух. — Спасибо вам, Ной. Вы её... вы её в чувство привели. Я сам не знал, что уже и говорить. Все слова какие-то пустые казались.

— Ничего особенного не сказал, — ответил Ной, глядя куда-то поверх головы старика на пустынную улицу. — Смотреть на всё это, — он сделал неопределенный жест рукой, охватывая безлюдные тротуары, заколоченные окна, — даже как-то... занятно. Но так, конечно, вечно продолжаться не может. Город же не должен умереть, его как-то оживить надо, людей выманить из нор, в конце концов. Но как это сделать — ума не приложу, не буду же по улицам с мегафоном ходить.

Старик внимательно посмотрел на него, и в его уставших глазах мелькнул огонёк какой-то житейской, немудрёной смекалки. Он причмокнул, обдумывая что-то.

— Оживить... — протянул он. — Мегафон, говорите? Нет, что вы. Кто сейчас громким словам поверит? После всего, что было. Крикунов и истериков за эти дни наслушались вдоволь. Вот смотрите, — начал он, понизив голос, будто делился большим секретом, хотя вокруг не было ни души. — Чтобы город ожил, не нужны громкие призывы с крыши, а некая... цепочка, понимаете?

Ной нахмурился, не совсем понимая.

— Какая цепочка?

— Цепочка доверия, — пояснил старик. — Или, как я это называю, «сеть доверия». Всё очень просто! Одному человеку нужно сказать другому, соседу, знакомому, даже просто тому, кого в окне увидел что-то вроде: «Жить можно, выходи, не бойся» и попросить его передать это дальше. Вот и всё.

— И что, работает? — спросил парень без особой надежды, но и без скепсиса.

— А почему нет? — старик развёл руками. — Страх — он ведь тоже по цепочке передаётся. Все друг на друга смотрят, все боятся. Достаточно, чтобы несколько звеньев разорвалось. Один скажет другому, а тот, хоть и усомнится, но запомнит. Потом, глядя на того, кто вышел, и сам чуть меньше испугается, и скажет третьему. Мы вот с жёнушкой моей, наверное,

уже не очень-то годимся для начала такой цепочки. Нас больше за двери не вытащишь, пока её время не... ну, вы понимаете. Но вы-то, молодой, крепкий... Вы могли бы стать первым звеном. Просто попробовать.

Ной долго смотрел на старика, потом медленно кивнул.

— Понял, — сказал он наконец. — Сеть доверия, спасибо.

— Не за что, — старик махнул рукой, но на лице его появилось слабое, едва заметное подобие улыбки — первое за долгое время. — Мы вам спасибо сказали, а это... это так, совет от старика, который уже мало на что годится. Вы там берегите себя, Ной Лэндон.

— И вы, — просто ответил Ной.

Больше говорить было не о чем. Они стояли друг напротив друга секунду-другую, потом старик ещё раз кивнул, развернулся и пошёл обратно к жене. Он подошёл к ней, что-то тихо сказал, помог ей подняться с бордюра, и они, по-прежнему держась за руки, медленно зашагали в противоположную от Ноя сторону, к своему дому, чтобы прожить её семь дней.

Ной смотрел им вслед, пока они не скрылись в арке старого дома. Потом вздохнул, повернулся и пошёл своей дорогой, но теперь в его шаге появилась чуть большая определённости.

Лэндон постоял на месте, обдумывая слова старика. С чего начать? Кто поверит первому? Его взгляд упал на пятиэтажный кирпичный дом через дорогу от сквера. Он знал этот дом. Вернее, знал одну квартиру на первом этаже. Много лет назад, когда он был ещё ребёнком, его семья жила по соседству. И он помнил мужчину по имени Декстер Кроу, который тогда работал сантехником и иногда помогал их семье с трубами. Не то чтобы они дружили, но Ной запомнилось его вечно усталое, но доброе лицо. Спустя годы Ной, уже взрослый, случайно видел того же Декстера, входящим в подъезд этого дома с сумкой из аптеки. От кого-то из старых соседей он слышал, что жена Декстера тяжело больна, и он за ней ухаживает. Это был человек, привязанный к дому, к своей ноше, но, возможно, ещё не окончательно разуверившийся.

Ной перешёл пустынную улицу и толкнул тяжелую дверь подъезда. Внутри пахло старой штукатуркой, вареной капустой и слабым запахом лекарств. Он подошёл к двери квартиры №3 и постучал. Долго ничего не происходило. Потом послышались медленные шаги, щелчок засова. Дверь приоткрылась на цепочку, а в щели показалось лицо — сильно постаревшее, обросшее седой щетиной, с глубокими морщинами вокруг глаз. Это был он, но узнать его было трудно.

— Кто вы? Чего надо? — голос был хриплым, усталым и настороженным.

— Мистер Декстер? — спросил Ной, наклоняясь немного, чтобы лучше видеть в щель.

— Вы меня, наверное, не помните. Я Ной, сын Лэндонов, которые раньше в доме напротив жили. Вы нам кран чинили, помните?

— Лэндоны... Да, кажется... А что вам? Сейчас не до разговоров.

— Я знаю, — быстро сказал Ной. — Я слышал про вашу жену. Мне жаль, но я не за помощью. Я пришёл с предложением. Можно поговорить минуту?

Декстер с неохотой, но приоткрыл дверь чуть шире, не снимая цепочки.

— Я хочу попробовать что-то сделать, — начал Ной, выбирая слова, — чтобы люди перестали бояться выходить. Не я один, конечно. Нужно, чтобы кто-то начал эту цепочку. Вот вы, например. У вас соседи есть? Наверняка есть. Старики на втором этаже, молодая семья сверху.

— И что? — устало спросил Декстер. — Что я им скажу? Что всё хорошо? Так это неправда.

— Неправда, что всё хорошо, — согласился Ной, — но можно сказать другое, что, к примеру, есть человек, который вышел, что он ходит по улицам и не умер, что жизнь как-то продолжается. И попросить их передать это дальше. Соседу, родственнику, кому угодно. Просто скажите фразу: «Жить можно. Не всё кончено».

Мужчина молчал, его уставшие глаза изучали лицо Ноя.

— А вам-то что с этого? — наконец спросил он. — Что вы дадите взамен?

— Взамен я попробую достать то, чего вам не хватает, — сказал Ной. — Я не обещаю чудес, но я пройду, посмотрю. Аптека на углу разгромлена, но что-то на полу могло остаться. Я принесу, что найду. А вы просто поговорите с соседями и не требуйте, не уговаривайте. Просто скажите, что видели парня, который вышел и что он сказал передать: можно попробовать выглянуть в окно. Дальше уже только их дело. Договорились?

Он протянул руку в щель между дверью и косяком. Не для рукопожатия, а как жест соглашения. Декстер смотрел то на его руку, то на его лицо. В глазах Ноя не было фанатичного блеска проповедника или расчёта дельца. Мистер медленно вздохнул. Потом снял цепочку, открыл дверь полностью и пожал протянутую руку. Рукопожатие было крепким, но коротким.

— Договорились, — хрипло сказал он. — Я... попробую. С бабушкой Инджи на втором поговорю, она ещё на моей стороне. А вы... будьте осторожны там. Спасибо.

Ной кивнул.

— Вернусь к вечеру.

Он развернулся и вышел из подъезда. Всю оставшуюся часть дня он потратил на то, чтобы обойти ближайшие улицы. Он не лез в явно разграбленные крупные магазины, а заглядывал в маленькие лавочки, полуподвальные аптеки. Он нашёл несколько упаковок с антибиотиками, вату, бинты, которые валялись в углу развороченной аптеки. В одном закутке бывшего овощного ларька обнаружил ящик с мятными консервами и тушёнкой, заваленный обломками стеллажа. К вечеру он вернулся к дому Декстера с полупустым рюкзаком, в котором лежали найденные лекарства, четыре банки тушёнки и две зелёного горошка.

Он снова постучал. Кроу открыл быстрее, на этот раз без цепочки. Он взял рюкзак, заглянул внутрь, и его лицо на мгновение смягчилось.

— Спасибо. Это... это поможет.

— А вы? — спросил Ной.

— Поговорил, — коротко сообщил он. — Сказал, как вы велели. Она сначала ругалась, мол, с ума сошли. Потом... потом спросила, правда ли вы ходите. Я сказал, что правда. Она ничего не ответила. Но вечером, я слышал, она не просто шторы отодвинула, а форточку открыла ненадолго. И, кажется, с кем-то на улице перекликнулась. Быть может, с соседкой с противоположного дома.

Ной кивнул. Этого было достаточно.

— Передавайте дальше, — сказал он на прощание и ушёл в ступающие сумерки.

Эффект, как и предсказывал старик, был.

На следующий день бабушка Инджи, выглянув в форточку, окликнула свою знакомую, кажется, Маргарет из дома напротив, которая тоже сидела у окна. Просто спросила: «Марго, ты жива?» Та откликнулась. Потом Инджи, кряхтя, сказала: «А тут один парень ходит, говорит, что можно на улицу. Я, говорит, сам хожу». Маргарет промолчала, но через час выставила на свой балкон пустую клетку для попугая — просто чтобы проветрить.

Вечером того же дня Маргарет позвонила (стационарный телефон кое-где ещё работал) своей дочери в соседний район. Не сказала про парня, просто спросила, как у них, и обмолвилась, что у них во дворе «уже не так страшно, одна бабка форточку открыла».

На третий день дочь Маргарет, молодая женщина с маленьким ребёнком, от безысходности и тоски по человеческому голосу выглянула в подъезд. Там она встретила соседа, который выносил мусор первый раз за четыре дня. Они переглянулись, кивнули друг другу. Никто не сказал ничего значительного.

На четвёртый день в нескольких дворах в этом районе люди начали по-настоящему выходить. Сначала ненадолго, озираясь, а потом, увидев друг друга, начинали короткие, скупые разговоры про еду, про воду, про то, что слышали. Кто-то принес из дома немного картошки и поделился с тем, у кого ничего не было.

На пятый день в одном из окон на первом этаже тихо, чуть слышно, заиграло радио. Не какие-то новости, а просто музыкальная волна.

К концу недели изменения стали видимыми. На улицах по-прежнему не было прежнего движения, но уже не было и гробовой тишины. В открытых окнах слышались голоса, детский плач (но уже не от ужаса, а просто потому что ребенок плачет), стук посуды. Во дворах появилось движение: мужчина чинил велосипед, женщина развешивала на верёвке постиранное в тазике бельё. Кто-то вынес во двор стул и просто сидел, глядя на небо. Дети, сначала по одному, робко выглядывая из-за родителей, а потом небольшими группками, начали играть в песочницах, оставшихся с прошлой жизни.

Город не вернулся к старой жизни. Он медленно начинал новую жизнь, что была открыта после Дня Раскрытия. Город никогда не вернётся в свое прежнее русло после всего того, что успело произойти за эти дни. Никогда.

Через неделю после Раскрытия, рано утром, Логан в школьном убежище копался в найденном транзисторном радиоприёмнике. Он поймал слабую волну. Сквозь шипение и помехи пробивался голос диктора, но это был не официальный голос власти — тот исчез в первый же день. Это был чей-то самодеятельный эфир, вероятно, с любительской радиостанции. Голос, прерывающийся от волнения, говорил: «...видим признаки жизни в центральных районах. Люди выходят во дворы. Слышны разговоры. В районе Старого рынка видели, как торгуют... нет, не торгуют, обмениваются продуктами. Повторяем, это не конец...»

Итан, Лили и остальные обитатели школы, услышав это, собрались вокруг приёмника. Они молчали, слушая. Решение пришло само собой — нужно было увидеть Новый Мир своими глазами.

Они осторожно, проверенным маршрутом, вышли из здания школы и выбрались на прилегающую улицу. Первое, что они заметили, — это звуки: где-то стучал молоток, кто-то пилил дерево, из открытого окна доносилась негромкая речь по телевизору, работающему, видимо, от генератора.

Они вышли на более широкую улицу. И картина, которую они увидели, заставила их замереть.

Напротив, у гаражного кооператива, мужчина лет пятидесяти что-то паял, ремонтируя электрощиток. Рядом с ним стояла женщина и подавала инструменты. На балконе пятиэтажки женщина развешивала на верёвке детскую одежду — яркие пятна синего, красного, жёлтого на фоне серого фасада. Из открытой форточки на первом этаже тянуло запахом жареной картошки. В соседнем дворе, огороженном забором, двое детей лет семи-восьми гоняли мяч. Их крики и смех были обычными, такими, какими они были всегда, до всего этого.

Машин было мало, но несколько штук проехали по улице с нормальной, не бешеной скоростью. Люди на тротуарах не бежали, не озирались в панике. Они шли — кто с сумками, кто с ведрами, кто просто так.

Итан, Лили и Логан стояли у ворот школы и просто смотрели. Они не говорили ничего. Старый мир умер в день Раскрытия. Это было что-то другое.

Глава

Глава III : Хрупкий штиль

Утро начиналось с тусклого, серого света, пробивавшегося сквозь не до конца задернутые занавески на кухне. Итан стоял на табуретке, которую накануне нашел в сарае. Табуретка была старой, одна ножка слегка шаталась, и он старался не переносить на нее весь вес. В вытянутой руке он держал лампочку. Не новую, а ту самую, энергосберегающую, что светила в прихожей раньше. Она была покрыта тонким слоем пыли.

Их дом был небольшим, одноэтажным, с маленьким палисадником и покатой черепичной крышей. Он достался им, как сейчас говорили, «по праву заселения». Прежние хозяева уехали почти год назад, в одну из первых волн так называемого «великого переселения». Это были «срочники» — термин, который прижился в первые же месяцы после Раскрытия для тех, у кого на устройстве оставалось мало времени: годы, месяцы, недели. Противоположностью им были «долгожители» — те, кто увидел на своем экране десятилетия. Срочники, узнав свой короткий срок, часто срывались с мест. Они продавали или просто бросали всё, что нельзя было унести с собой, и стремились туда, где, как им казалось, можно было «дожить» ярко и быстро: к морю, в тёплые страны, в места былых отпусков. Этот дом бросила семья, у которой в запасе было меньше четырёх лет. Они собрали вещи в старый микроавтобус и уехали на юг, к морю, оставив на столе ключи и записку соседям: «Берите, если надо. Нам уже не вернуться».

Итан вкручивал лампочку медленно, стараясь попасть резьбой в патрон. Работа шла тяжело, потому что патрон был старым, немного разболтанным, и лампочка то заходила, то снова выскальзывала. Он приноровился, задерживая дыхание, и потихоньку проворачивал её, чувствуя, как резьба цепляется за жёсть. Рука начинала затекать от неудобного положения. Со стороны это выглядело как простая бытовая задача, но в новых условиях даже она требовала сосредоточенности и терпения. Новых лампочек не выпускали, старые запасы раскупали или разбирали в первые месяцы паники. Каждая исправная лампочка теперь была ценностью.

За окном, в палисаднике, Лили возилась с кустом роз. Вернее, с тем, что от него осталось. Куст был чахлым, с тонкими, колючими побегами и несколькими мелкими, бледно-зелёными листочками. Он чудом пережил прошлое лето, когда за ним никто не ухаживал. Лили присела на корточки перед ним, держа в руках старую жестяную лейку без носика. В лейке была дождевая вода из бочки, что стояла под водосточной трубой. Вода была не чистой, с плавающими мелкими соринками и пылью, но другой не было. Водопровод в их районе работал нерегулярно, по несколько часов в день, и воду берегли. Она медленно, почти с благоговением, выливалась воду под корень куста, стараясь, чтобы каждая капля впиталась в сухую, потрескавшуюся землю. Её лицо было сосредоточенным, почти суровым. Она не надеялась, что роза расцветёт. Она просто хотела, чтобы она не умерла.

С момента Раскрытия прошло одиннадцать месяцев и восемь дней. Мир изменился, но не так, как все боялись в первые дни хаоса. Он не рухнул окончательно, а как бы осел. Государства, в их прежнем виде, практически перестали существовать. Оставались местные администрации, советы из тех, кто соглашался работать, и что-то вроде охраны, набранной из «долгожителей», у которых была мотивация наводить порядок на десятилетия вперёд. Деньги почти обесценились. Главной валютой постепенно становилось время, вернее, обещания, основанные на времени. Если у тебя на устройстве значилось «40 лет», тебе больше доверяли дать в долг продукты или помочь с работой — был шанс, что ты отработаешь. «Срочнику» с пятью годами могли отказать, опасаясь, что он не доживёт до расплаты.

Итан наконец вкрутил лампочку до конца. Он осторожно спустился с табуретки и щёлкнул выключателем. Лампочка мигнула раз, другой, и загорелась тёплым, желтоватым светом,

освещая обшарпанную, но чистую кухню. Они мыли её сами, счищая старые пятна и пыль. Итан выдохнул, удовлетворённо глядя на свет. Маленькая победа в большом мире.

Он подошёл к окну, прислонился лбом к прохладному стеклу и посмотрел на Лили. Она закончила поливать и теперь просто сидела на земле, обхватив колени, и смотрела на куст. Её профиль был тонким, немного заострённым от того, что за этот год она похудела. Они поженились три месяца назад. Церемонии не было, просто расписались в том, что теперь называлось «бюро учёта», получили потрёпанную бумажку. Решение прожить свой срок вместе было очевидным, учитывая, что их сроки были близки друг к другу. Они почти не говорили об этом, но каждая минута радости — смех за ужином, удачно найденная на заброшенной даче банка варенья, просто тихий вечер рядом — была отравлена знанием: время идёт. У Лили на месяц и четыре дня меньше, чем у него. Иногда Итан ловил себя на том, что смотрит на её запястье, когда она спит, и считает про себя: двадцать пять лет и два дня минус одиннадцать месяцев и восемь дней... Осталось двадцать четыре года и двадцать четыре дня. А у него устройство показывало: **24 года, 1 месяц, 28 дней.**

За забором послышались шаги. Это шёл их сосед, мужчина лет тридцати, «долгожитель» с шестидесятью годами в запасе. Он нёс мешок с чем-то и кивнул Итану через забор. Итан в ответ поднял руку. Общения было мало, но соседская солидарность, особенно среди тех, кто остался жить оседло, была одним из новых правил.

Итан оторвался от окна. Он знал, что сегодня, как и всегда, их «ангел-хранитель» где-то рядом. Ной.

Ной действительно жил с ними. Он занимал маленькую комнату в дальнем конце дома, бывшую кладовку или каморку для гостей. Он появлялся там на ночь, а днем чаще всего отсутствовал, занимаясь своими неясными делами. Утром его можно было застать за тем, что он молча пил чай на кухне или чинил какую-нибудь вещь — то дверную ручку, то ножницы.

В то утро, после завтрака, Итан вытер руки о старые джинсы и взглянул на Лили.

— Мыло и соль кончаются. Надо сходить к универмагу, — сказал он, имея в виду рынок, который образовался у стен старого торгового центра. Площадь Бейла теперь все обходили стороной — она пустовала, как проклятое место, напоминая о дне Раскрытия и последующем кошмаре. Там почти не бывало людей.

— Пойдем, — без особого энтузиазма ответила Лили.

Они вышли на улицу. Путь до старого универмага занимал около двадцати минут пешком. Район постепенно оживал, но следы упадка были повсюду: некошенные газоны, кое-где разбитые фонари, граффити на стенах. Сам рынок располагался на бывшей парковке у бокового входа в здание. Это не был рынок в старом понимании. Люди стояли за самодельными столами или просто расстилали товары на земле на кусках брезента.

Деньги здесь почти не использовались. Их не отменили официально, но они окончательно обесценились в глазах людей. Кто будет продавать реальные, нужные вещи за бумажки, будущее которых неизвестно? Вместо этого шла торговля временем и услугами. Вернее, обещаниями, основанными на времени.

Итан и Лили медленно прошлись вдоль ряда. На первом столе мужчина лет сорока с усталым, осунувшимся лицом выставил несколько банок с тушенкой и солеными огурцами. На картонке было написано: «15 лет, 2 месяца». Это был его срок. А ниже располагались условия: «1 час моего времени на стройке завтра» или «3 часа присмотра за моей матерью (ей 80, осталось 4 месяца)». Люди подходили, смотрели сначала на товар, потом на его запястье, оценивая, стоит ли доверять его обещанию. Чем больше срок у человека, тем больше доверия. Долгожитель с сорока годами впереди мог «купить» у другого пачку свечей или канистру бензина, просто пообещав помочь с ремонтом крыши «когда-нибудь в будущем». Его слово, подкреплен-

ное десятилетиями в запасе, ценилось высоко. Рядом, уныло сторбившись, сидел «срочник» — молодой парень, на чьём устройстве Итан мельком разглядел «2 года, 6 месяцев». Он пытался обменять пачку новых носков на еду. К нему почти никто не подходил. Люди не смотрели в его сторону. Ему не верили. А вдруг он не доживет, чтобы выполнить свою часть договора? Рисковать в условиях дефицита никто не хотел.

Итан нашел то, что искал. У края парковки, на ящике из-под фруктов, сидела женщина лет пятидесяти. Перед ней аккуратными брусками лежало домашнее мыло сероватого цвета и несколько мешочков с крупной солью. Лили осталась в двух шагах позади, наблюдая.

Итан подошел, кивнув.

— Мыло хорошее? — спросил он просто.

— Сама варила, — ответила женщина. У неё было спокойное, но уставшее лицо, — из того, что было. Жира мало, поэтому суховато, но мылятся.

— Сколько просите? — спросил Итан.

Женщина внимательно посмотрела на него, потом её взгляд скользнул на Лили. Она не назвала цену в деньгах.

— Мне нужно, чтобы забор починили. Сетка-рабица упала на участке, а я сама не справлюсь.

Итан посчитал, что это работа на полдня.

— Я могу, — сказал он, — но сегодня не смогу. Завтра утром или послезавтра.

Женщина внимательно изучила его лицо.

— Покажите срок, — попросила она.

Итан молча поднял левое запястье. На экране горели те же цифры, что и утром (24 года, 1 месяц и 28 дней). Женщина склонилась, чтобы разглядеть, потом кивнула, удовлетворённая. Достаточный срок, чтобы быть уверенной, что он выполнит обещание. Она подняла и своё запястье почти автоматически, хотя Итан не просил: **12 лет, 4 месяца, 11 дней**.

— Ладно, — сказала она, — два бруска мыла и мешочек соли за три метра забора завтра с утра. Адрес напишу.

Она уже потянулась за мылом, но её взгляд снова задержался на Лили. Та стояла, слегка отвернувшись, но женщина, видимо, заметила её запястье или просто почувствовала их связь.

— Вы пара? — спросила женщина, уже обращаясь к Итану, но глядя на Лили.

— Да, — коротко подтвердил Итан.

Женщина снова кивнула, и на её лице мелькнуло что-то похожее на мимолетную, быстро погашенную жалость.

— Сроки почти равны же? Значит, проблемы будут скоро, когда один уйдёт раньше. Тяжко вам будет...

Она произнесла это не со злым умыслом. Итан увидел, как его жена чуть вздрогнула, отвела глаза в сторону и сжала руки перед собой. Её лицо побледнело.

— Мы справимся, — резче, чем планировал, сказал Итан, забирая мыло и соль. — До завтра.

Он быстро распрощался, взял Лили за локоть и повел её прочь от лотка.

Они еще не успели выйти с территории рынка, пройдя всего несколько метров, когда из небольшой группы людей, копошившихся у развала со старыми инструментами, отделилась знакомая фигура и направилась к ним. Это был Ной. Он возник как будто из ниоткуда, хотя, скорее всего, просто наблюдал за ними с какого-то расстояния.

На нём в тот день был чёрный пуловер на молнии свободного кроя. Ткань выглядела плотной, матовой, без единого намёка на блеск или потертость. Молния была короткой, доходила только до начала груди, образуя аккуратный воротник-стойку. Плечевой шов был слегка спущен, рукава широкими, что создавало ощущение лёгкой, ненарочитой небрежности. Из-под чёрного слоя пуловера в районе ворота и по низу выглядывала белая футболка, образуя чёткий

контрастный край, что создавало ощущение многослойности. На нём были чёрные брюки свободного, почти прямого силуэта, не сковывающие движений. На ногах же казались белые кроссовки с лаконичным дизайном, чистые, несмотря на пыль улиц. За его плечами висел полупустой чёрный рюкзак, в котором он обычно приносил им то, что невозможно было «купить» за обещание времени: потрёпанные книги, пакетики со старыми семенами для Лили, иногда редкие лекарства в неповреждённых упаковках. Он никогда не рассказывал, где именно находил эти вещи.

Ной поравнялся с ними, слегка замедлив шаг, чтобы идти рядом. Его взгляд скользнул по их лицам, потом на свёрток в руках у Итана.

— Разжились, — сказал он негромко.

— Мылом и солью, — кивнул Итан, чувствуя неловкое облегчение от его появления, — за починку забора завтра.

— Выгодно, — с лёгкой, едва уловимой усмешкой в голосе сказал Ной, глядя на Лили. — А ты, Лили, в качестве бонуса бесплатную психотерапию от местных торговек получила, да?

Его шутка была суховатой, но лишённой злобы. Он, видимо, успел увидеть или догадаться о коротком разговоре у лотка. Лили слабо улыбнулась в ответ, скорее губами, чем глазами.

— Да уж, теперь знаю, что нас ждут «проблемы», — ответила она, пытаясь говорить так же легко.

— Проблемы ждут всех, — пожал плечами Ной, глядя прямо перед собой на дорогу. — У кого-то через месяц, у кого-то через сорок лет, а готовить дрова или чинить заборы нужно всем, независимо от цифр. Так что вы, можно сказать, в выигрыше — у вас есть четкое расписание, когда начать паниковать.

Он сказал это настолько просто и буднично, что даже Итан невольно хмыкнул.

— Спасибо, что подбодрил, — сказал Итан с сарказмом.

— Всегда пожалуйста, — ответил Ной.

Они пошли домой вместе. Дорога казалась короче и немного легче. Ной иногда комментировал что-то увиденное — вот на этом доме, кажется, наконец починили антенну, а вон та машина, судя по свежим следам, сегодня снова ездил.

Дома первым делом Ной, даже не спрашивая, снял с вешалки у входа свою куртку и повесил рюкзак. Он прошёл на кухню, где на столе всё ещё стояла табуретка, а на краю стола лежала отвертка. Итан, собираясь убрать её, вдруг сообразил, что лампочка, хотя и светит, сидит в патроне не до конца, немного криво, и контакт может быть ненадёжным. Он только хотел вернуться к этому делу, как Ной уже взял отвертку, подошел к табуретке и, слегка наклонив плафон, аккуратно поддел им край патрона, поправил его, а затем уверенным движением дожал лампочку до упора. Лампа на мгновение мигнула и загорелась ровнее.

— Контакт был плохой, — просто сказал Ной, спрыгивая вниз.

Потом, пока Лили разворачивала мыло и убирала соль, он исчез в ванной. Оттуда вскоре послышался звук откручиваемой гайки и лёгкое шипение прекращающейся течи. Он починил подтекающий кран, о котором Итан говорил пару дней назад, но всё не доходили руки.

Лили тем временем занялась ужином. Она поставила на плиту небольшую кастрюльку, вскипятила в ней воду, добавила немного принесённой с рынком крупы и крошечный кусочек сала, которое им удалось выменять на прошлой неделе. Запах был скудным, но домашним. Ной, закончив в ванной, вышел, вытер руки об тряпку и молча принялся накрывать на стол, расставляя три тарелки и ложки.

К вечеру, когда все бытовые дела были сделаны, они сели за стол. Ели молча. Тишина в комнате была тягостной, нарушаемой только мягким стуком ложек о фаянс, да редким скрипом стула. Слова женщины на рынке, несмотря на все усилия и отвлечения, остались в головах у

парочки. Лили ковыряла еду в тарелке, потом отложила ложку, посмотрела в окно, где уже совсем стемнело, и наконец нарушила тишину.

— Дров у нас ещё на неделю, наверное, — сказала она, глядя куда-то в пространство над столом. — Нужно думать, где взять новые. В том лесочке за старым заводом, кажется, ещё есть сухостой, но туда в одиночку идти... небезопасно. И ещё... от ребят с третьей улицы слышала, что в соседнем квартале, где раньше срочники жили, теперь мародеры обосновались. Те, кому терять нечего. Говорят, по ночам проверяют дома. Нам бы что-то с забором сделать, может, колючкой обмотать сверху, что ли... Или дежурство по ночам как-то организовать с соседями.

После ужина, когда они уже убрали со стола и сидели при тусклом свете лампы, обсуждая планы на завтра, на пороге раздался резкий, настойчивый стук. Не дожидаясь ответа, дверь тут же распахнулась. На пороге стоял их сосед, Джереми, мужчина лет сорока, которого они обычно видели спокойным и замкнутым. Сейчас его лицо было искажено дикой злобой.

— Ной! — выпалил он, даже не поздоровавшись, уставившись прямо на Ноя, сидевшего у стены. — У тебя есть антибиотики. Давай их сюда.

Ной медленно поднял на него взгляд, но не двинулся с места.

— Нет, — просто сказал он.

— Не ври! — Джереми сделал шаг вперёд, сжав свои кулаки. — Все знают! Ты таскаешь всякое из развалин! Лекарства тоже! У моего сына температура за сорок, он бредит! Ему нужно сейчас же! Ты что, не понимаешь?

— Я понимаю, — сказал Ной, не повышая голоса, — но у меня нет для тебя антибиотиков.

Джереми, казалось, вот-вот взорвётся. Его лицо покраснело.

— Покажи свой срок, чёртов лжец! — закричал он, и слюна брызнула из уголка его рта. — Покажи, сколько у тебя этого самого времени в запасе, что ты можешь быть таким спокойным и таким скупым! Долгожитель, да? Всем помогаешь, а когда по-настоящему надо — нет! Покажи, если не врешь!

Итан встал со стула, пытаясь встать между ними.

— Джереми, успокойся. Мы может чем-то другим поможем...

Но тот его не слушал. Его взгляд был прикован к Ною. Лили, побледнев, в страхе схватила Итана за руку, удерживая его, понимая, что любое движение может спровоцировать драку. На шум из своих домов начали выходить другие соседи. Несколько человек собралось за спиной Джереми у открытой двери, чьи лица выражали любопытство, осуждение.

— Он никогда не показывает свой срок! — раздался чей-то голос из толпы. — Почему? Все показывают!

— Может, он «нулевой»? — предположила женщина. — Скоро умрёт, вот и скрывает!

— Или воровал у других! — добавил кто-то ещё. — У кого время короткое, отбирал!

Лэндон медленно поднялся. Он не отводил взгляда от Джереми.

— Отстань, — сказал он уже грубее, и в его голосе впервые прозвучало раздражение.

Но мужик был вне себя. В ярости он рванулся вперёд, схватил Ноя за левую руку выше запястья и с силой закатал ему рукав чёрного пуловера. Все замерли, ожидая увидеть устройство.

Однако под тканью рукава оказался не экран, а плотный кожаный браслет-чехол. Он был простым, без украшений, с обычной металлической застёжкой. Он плотно облегал запястье, полностью скрывая то, что было под ним.

Ной не сопротивлялся физически. Он даже не попытался вырвать руку. Его взгляд, прежде спокойный, стал злобным, как у хищника, которого тронули в его логове.

— Ты хочешь это увидеть? — почти шёпотом спросил он соседа. — Уверен? Некоторые истины... они не делают людей сильнее.

Мужик не почувствовал физической опасности, — Ной был не крупнее его — но он почувствовал что-то иное. Джереми отступил на шаг, всё ещё держа его за руку, хотя хватка ослабла.

В этот момент Лили, вся дрожа, выступила вперёд:

— У меня... у меня есть антисептик и жаропонижающее. Возьмите. Это... это может помочь продержаться до утра. А утром... может, кто-то ещё найдёт, или врач придёт...

Она, не дожидаясь ответа, бросилась к тумбочке, где хранилась их скромная аптечка, и вытащила оттуда почти пустой пузырёк с зелёной и блистер с несколькими таблетками парацетамола. Она протянула это Джереми.

Тот посмотрел на таблетки в её дрожащей руке, потом на лицо Лэндона, потом на сочувствующие, но настороженные лица соседей в дверях. Его плечи опали. Злость, подпитываемая адреналином и страхом за ребёнка, начала уступать место той же беспомощности.

— Чёрт... — прошептал он хрипло, выхватывая из рук Лили пузырёк и таблетки. — Чёрт возьми всех вас.

Он развернулся и, грубо расталкивая застывших у порога соседей, вышел в темноту. Толпа постояла ещё минуту, что-то негромко переговариваясь, бросая на дом и на фигуру Ноя странные, недоверчивые взгляды. Потом, не найдя больше зрелища, медленно стала расходиться.

Дверь осталась открытой. Итан первым двинулся, чтобы закрыть её. Он повернулся и увидел, как его друг медленно, будто с большим усилием, опускает руку и поправляет рукав пуловера, скрывая кожаный браслет. Лицо его было бледным, но снова ничего не выражающим.

Все знали, что на устройствах есть кнопка, позволяющая скрыть цифры с экрана. Но любой мог так же легко нажать эту кнопку на чужом устройстве и увидеть срок. Ной, видимо, предусмотрел и это, надев поверх простой, но надёжный физический барьер.

Итан, захлопнув дверь, повернулся к комнате. Он смотрел на Ноя, и внутри у него всё кипело.

— Почему ты просто не показал ему? — вырвалось у Итана. — Хотя бы соврал! Сказал бы, что у тебя тридцать лет, сорок, чёрт возьми! Любую цифру бы назвал! А ты просто молчишь и головой качаешь. Ты даже нам никогда не показывал, что у тебя там! Ни разу!

Лэндон стоял у стены. Он поднял глаза на Итана, и в них, всегда таких спокойных и пустых, появилось что-то новое. Некая печаль?

— Ложь — это первый шаг к тому, чтобы перестать видеть в другом человека. Я не хотел ему лгать и не хотел... показывать правду.

Он не стал объяснять, что это за правда. Просто помолчал, глядя куда-то мимо Итана, потом развернулся и, не сказав больше ни слова, ушёл в свою маленькую комнату, тихо прикрыв за собой дверь.

Итан остался стоять посередине комнаты, всё ещё сжав кулаки. Лили молча подошла к столу и стала собирать оставшуюся посуду. Никто больше ничего не сказал.

Прошло пару часов. В доме давно выключили свет, все разошлись по своим комнатам. Итан и Лили лежали рядом в темноте, на их старой кровати, уставясь в потолок. Никто не спал. Сначала они просто лежали, потом Итан почувствовал, как рука Лили осторожно ищет его в темноте. Их пальцы встретились и сплелись, сжавшись так крепко, что кости немного ныли.

— Итан, — шёпотом начала Лили.

— М-м?

— Я... я умру раньше тебя.

Итан перевернулся на бок, лицом к ней, хотя в темноте почти ничего не было видно. Он притянул её к себе, обнял так крепко, как только мог, прижав её голову к своей груди.

Он почувствовал, как всё её тело содрогнулось, а потом по его футболке под подбородком поползло тёплое, мокрое пятно. Она плакала, лишь изредка всхлипывая, стараясь, чтобы звук не прорвался, чтобы не услышал Ной из своей комнаты. Итан просто держал её, глядя рукой по её спине, по волосам, и сам сжав зубы до боли. Он ничего не говорил. Какие могли быть слова? Все они были бы ложью.

Позже, когда Лили наконец уснула, исчерпав слёзы, Итан осторожно высвободился из её объятий и встал. Во рту пересохло. Он босиком, стараясь не скрипеть половицами, вышел на кухню, чтобы попить воды.

На кухне было темно, только слабый лунный свет падал из окна. Он налил в кружку воды из графина, сделал несколько глотков, и тут его взгляд упал на узкую полоску света, видневшуюся под дверью в комнату Ноя. Щель была совсем тоненькой, но света хватало, чтобы понять, что там не спят.

Итан, сам не зная зачем, сделал пару бесшумных шагов и приник глазом к щели. Комнатка была крошечной, освещённой только тем самым светом. Ной сидел на своей табуретке, сгорбившись, спиной к двери, но чуть развернувшись в сторону. Кожаный чехол с его запястья был снят и лежал рядом на тумбочке. Левую руку он держал перед собой. Свет от устройства падал ему на лицо снизу, делая черты резкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.